

ВИКТОРИАНСКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДРА ТОРН

ХОЛОДНЫЙ ОГОНЬ

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ
КОМИССАР БРЕННОН И МИСТЕР ЛОНГСДЕЙЛ

Консультант

Александра Торн
Холодный огонь

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Торн А.

Холодный огонь / А. Торн — «Издательство АСТ»,
2022 — (Консультант)

ISBN 978-5-17-145738-9

Сонный покой маленького городка нарушен ужасными смертями: на озере находят вмерзшие в лед трупы. Комиссар Натан Бреннон приступает к расследованию, а в помощь ему выделяют странного консультанта с огромной рыжей собакой и мрачным дворецким, лицо которого невозможно запомнить. Кто повинен в убийствах, да и человеческих ли рук это дело? Кто такой на самом деле этот консультант и почему он пугает комиссара едва ли не больше противостоящей им силы? Магия, предательство, любовь, страх, месть и ненависть сплелись в один клубок. И это только начало...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145738-9

© Торн А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Часть 1	6
11 ноября	6
13 ноября	18
14 ноября	21
15 ноября	32
18 ноября	42
19 ноября	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александра Торн

Холодный огонь

© Торн А., 2022

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Часть 1

Ледяная колыбель

Блэкуит, осень 1863 года

11 ноября

Покойник вмерз в озеро лицом вниз. Комиссар, засунув руки в карманы, хмуро изучал жертву. Над поверхностью выступали только подметки, покрытые тонким ледком. Дюжий полисмен багром простукивал лед вокруг тела.

– Ну так че? – наконец пробасил страж порядка. – Ломать?

– Угу. – Комиссар присел на корточки. Труп лежал не ровно плашмя, а под углом, погрузившись в лед на фут-полтора. Голова терялась в мутной глубине. Комиссар вздохнул. В конце октября неожиданно ударили такие морозы, что к ноябрю озеро Уир промерзло на ярд. Долбить придется долго...

– Бреннон! – прохрипели над головой комиссара. Он перевел взгляд с подметок усопшего на непосредственное начальство. Айртон Бройд, шеф полиции города Блэкуита, тяжело сопел и утирал пот с лица. Несмотря на мороз, долгая (без малого дюжина ярдов) дорога от берега к месту происшествия превратила толстяка в мокрую губку.

– Шли бы вы, – нелюбезно сказал комиссар Бреннон. – Схватите воспаление легких и помрете к чертям.

– Не дождетесь. – Отдуваясь, Бройд укрепил на переносице пенсне. – Это что?

– Труп. Утопленник. Надеюсь, – мрачно отрапортовал Бреннон и встал.

– Что значит – надеетесь?

– Уир промерз дней двадцать назад. А это уже четвертый недоумок, утопившийся в сплошном льду.

– Уже четвертый. – Шеф задумчиво огладил пышные бакенбарды. – Это нехорошо, Бреннон.

– Угу.

– За десять-то дней.

– Угу.

– Поэтому я привез вам консультанта.

– Угу... Чего? – вздрогнул комиссар. – Кого? В каком смысле – консультанта?

– В прямом, – сказал Бройд, невозмутимо глядя на Бреннона снизу вверх. – Он проконсультирует вас по данному вопросу. Если вам неясно, чем занимаются консультанты.

– Мне ясно, – процедил комиссар. – Ну и где он?

– Вот. – Шеф снял пенсне и указал им в сторону берега. Бреннон, онемев, уставился на консультанта и спустя минуту-другую, посвященную пристальному изучению, тихо, устало поинтересовался: – Вы что, издеваетесь?

– Нет. – Бройд постучал тростью по льду. – Он, конечно, прибыл недавно...

– Угу, – глухо вздохнул Бреннон, не в силах выразить чувства словами.

– Так мне ломать или нет? – спросил полисмен, в нетерпении ерзая вокруг трупа.

– Нет! – рявкнул комиссар, не сводя глаз с консультанта. Полисмен проследил за взглядом начальства и уважительно заметил:

– Во зверюга, сэр. Здорова, что бычок годовалый!

Пес был трех футов в холке. Он стоял на берегу, широко расставив мощные толстые лапы, и пристально смотрел на комиссара. Огненно-рыжая шерсть была настолько густой, что

крупная вытянутая морда тонула в огромной шарообразной гриве. Впрочем, даже под пышной шерстью легко угадывались тяжелый костяк, широкая грудь и литые мышцы. На спине собаки трогательным бубликом лежал пушистый, как у белки, хвост.

Пес по-волчьи опустил морду и понюхал снег, исподлобья глядя на тело и группку людей вокруг него. Потом на миг оскалил клыки, прыгнул на лед и потрусил к покойнику.

– У-у, тварища! – восхищенно прошептал полисмен. – Это ж он сразу целую руку оттащить может!

Собака шла по льду как по мостовой, ни разу не поскользнувшись, и комиссар ей позаиводвал. Сам он не навернулся только благодаря полисмену с багром. Пес добрался до трупа и приступил к делу – принялся тщательно обнюхивать подметки. Айртон Бройд приподнял шляпу, обращаясь к хозяину собаки:

– Доброго утра, сэ. Надеюсь, мы вас не разбудили?

– Нет, – ответил консультант мягким, низким голосом. – Я никогда не ложусь так рано.

Было пять часов утра, когда комиссар прибыл на место преступления. Бреннон смерил консультанта недобрый взглядом. Эту породу двуногих комиссар презирал от всей души – хотя и не смог бы назвать консультанта конченым хлыщом, но лишь потому, что тот был слишком статен.

Комиссар смотрел свысока на большую часть человечества, но этот тип оказался выше Бреннона на полголовы. Неразумная мать-природа снабдила типа длинными ногами, сильными руками, широкой и мощной грудью атлета. Венчала все это физиономия вроде тех, что печатают на обложках романов, которые дюжинами поглощают сестры и племянницы комиссара. Изучив черную копну волос, высокий лоб, орлиный профиль, мужественный тяжелый подбородок и прочие благородные черты лица, Бреннон скорбно вздохнул. Он ненавидел дилетантов. А этот, одетый с иголочки, отутюженный и чистый до скрипа, принадлежал еще и к высшим слоям.

– Начальник отдела убийств и особо тяжких преступлений, – представил коллегу Айртон Бройд, – комиссар Натан Бреннон.

– Угу, – буркнул хлыщ.

– Мистер Джон Лонгсдейл, консультант по случаям вмешательства.

Консультант уставился на комиссара по-детски невинными голубыми глазами, рассеянно поморгал и спросил:

– Где бур?

– Какой еще бур?

– Мне нужны пробы льда и воды из озера. Для этого необходим бур.

– У нас его нет. Зато есть багор, – ответил Бреннон. – Ты! Отдай сэру багор!

Полисмен протянул хлыщу орудие труда. Пес отвлекся от тела и внимательно посмотрел на хозяина. Лонгсдейл взял багор, как трость, обошел труп и ударил по льду около головы. Мутная твердь брызнула мелкой крошкой и пошла трещинами.

– Вы планируете доставать тело? – вежливо осведомился консультант. Пока Бреннон подбирал челюсть, хлыщ нанес еще один удар в образовавшуюся лунку. В дырку плеснуло озерной водой. Лонгсдейл опустил ее около нее на колено, стянул перчатку, подпернул повыше рукав пальто, закатал манжет и невозмутимо погрузил ладонь в темные воды Уира.

– Ну как? – немного сипло спросил Бреннон, все еще переваривая демонстрацию силы.

– Гм, – отвечал консультант и с той же невозмутимостью сунул руку в лунку по самое плечо. Пес подпихнул к нему чемодан, который Лонгсдейл принес с собой.

– Будьте добры, откройте чемодан и приготовьте пробирки для проб, – велел Лонгсдейл.

– Ты! – Бреннон ткнул полицейского под ребра. – Давай!

Пока тот возился с застежками чемодана, Лонгсдейл выгреб из лунки полную горсть какой-то зеленой слизи, пробормотал:

– Надо же. Любопытно... – макнул в слюзу палец и сунул его в рот.

– Господи, – с тихой тоской прошептал Бреннон. Он не мог так с ходу сказать, что хуже – консультант хлыщеватый или консультант помешанный, и только прерывисто дышал сквозь зубы – слышал от патологоанатома, что это успокаивает. Пока не помогало.

До своего кабинета Бреннон добрался часам к восьми утра. К озеру его вызвали в половине пятого; возвращаться домой и завтракать не имело смысла. Комиссар послал дежурного за кофе и пирогами в кафе напротив, вошел к себе и повесил на вешалку пальто. В мутном дверном стекле отразилась помятая физиономия; Натан взгляделся в нее без особого удовольствия.

Он уже много лет не носил формы и одевался у хороших портных, поскольку понимал, что с такой рожей его скорее примут за одного из тех, кто «Разыскивается! Особо опасен!». Бледный, как и многие очень рыжие люди, с выступающей вперед нижней челюстью, которую слегка маскировала короткая бородка; голубоватые глаза под редкими бровями – красноватые с недосыпу. Лицо у Бреннона было длинное и костистое, а нос, и без того не идеальный, чья-то ловкая рука еще в армии сбила слегка на сторону. Высокий, на вид худощавый, он в свои сорок девять еще мог согнуть кочергу и свернуть в бараний рог любого... кроме шефа, который таскает к месту преступления идиотов-консультантов, будь он проклят!

Бреннон швырнул сюртук в кресло и подошел к окну. Департамент полиции города Блэкуита занимал красное квадратное здание в четыре этажа на Роксвилл-стрит, в двух шагах от центра. Рядом располагались парк и кафедральный собор, и, глядя на снующие туда-сюда толпы горожан, комиссар нередко приходил к ценным мыслям. Но сейчас толп не было, не было и мыслей. Откуда им взяться в такую рань? Натан смотрел с высоты третьего этажа на пустынную улицу: очертания домов терялись в мутных, как стекло на двери, утренних сумерках.

Вчера трупов было три. Два из них еще отгаивали: Френсис Кеннеди, патологоанатом, хрупкий бодрый старичок лет ста двадцати, заявил в весьма цветистых выражениях, что возраст и здоровье не позволяют ему вместо вскрытий заниматься выпиливанием тел из ледяных глыб. Что же до первого несчастного, то, пошарив на столе, Бреннон нашел отчет о вскрытии. Чтение, в принципе не слишком радостное, привело комиссара в такое состояние, что дежурный, принесший кофе и пироги, ступил в кабинет с опаской, словно неопытный дрессировщик в клетку с тигром.

– Сэр...

– Где этот костоправ?!

– В гробу, сэр.

Комиссар влил в себя кофе, накинул сюртук и, гневно кипя, направился в гроб – подвальную холодную комнатку, отделанную белым кафелем, обитель патологоанатома.

– Это что значит?! – рявкнул комиссар и шлепнул бумаги на пустой стол для аутопсии. Френсис Кеннеди поднял голову от нового отчета и снял пенсне.

– Это причина смерти.

– Вы шутите?

– Молодой человек, я никогда не шучу такими вещами. Легкие и сердце моего пациента превратились в лед. Тем самым...

– И как это произошло?

– Не могу знать, юноша. Наука пока не всеведуща, – пожал плечами патологоанатом.

Бреннон снова вчитался в строки отчета. Смерть наступила вследствие полного оледенения легких и сердца. Трещины в ребрах... Перелом носа... Мягкие ткани лица вмерзли в лед и восстановлению не подлежат...

– Значит, установить его личность мы тоже не сможем.

– Это мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, ростом пять футов с четвертью, сложение плотное, состояние печени свидетельствует о хроническом алкоголизме.

– Отлично, – буркнул Бреннон, – у меня таких – две трети из списка пропавших. И вам везут четвертого.

– Судя по его одежде, – Кеннеди меланхолично протер пенсне, – он был из мелкой буржуазии. Это чаще всего люди тихие, очень приличные. К тому же одет он чисто, аккуратно, не без щегольства. О нем явно кто-то заботился.

– А то я не понял, – пробурчал комиссар. – Это что?

– Шесть ножевых. Студент из кампуса. Я закончу к десяти.

– Угу. – Бреннон подошел к столу для разделки, как боязливо называли его в департаменте. В конце концов, убийства, грабежи и изнасилования тоже не ждут, и комиссар на время выбросил из головы оледеневших покойников.

К полудню Бреннон разобрался с накопившимся с вечера делами, запер в камеру пару молодчиков, которые устроили поножовщину в кабаке, и наконец выпроводил рыдающую матушку студента. Как бы он ей ни сочувствовал, но голод одолевал его все сильнее. Комиссар повязал запасной галстук, надел шляпу и отправился за провиантом.

Открывая свою пекарню прямо напротив полицейского департамента, вдовья миссис ван Аллен не прогадала. Поток полицейских, служащих ратуши и банка, преподобных отцов из собора и прочих голодающих оказался так велик, что вскоре заведение превратилось в небольшое кафе с едой навынос и маленьким обеденным залом. Бреннон оценил кулинарный дар миссис ван Аллен первым и пользовался ее особой благосклонностью как постоянный клиент.

Нередко, глядя на вдову, мать пятерых детей, комиссар думал, что у них могло бы что-то получиться, не будь он закоренелым холостяком. В свои сорок шесть белокурая, с безмятежным взглядом, Валентина ван Аллен сохранила фигуру, которой позавидовали бы многие молодые дамы: высокая, статная, с пышными, округлыми формами. Однако сегодня прекрасная вдова была чем-то обеспокоена. Она лично завернула комиссару пирог с корицей, отсчитала сдачу и спросила:

– Мистер Бреннон, если вы не слишком заняты, не могли бы вы ответить на один вопрос?

– Да, мэм, конечно, – отозвался комиссар, усилием воли укрошая зверский голод. Между бровями миссис ван Аллен пролегла тревожная морщинка.

– Скажите, вы думаете... на озере сейчас безопасно?

Бреннон подобрался.

– С чего вы усомнились?

Голубые очи вдовы затуманились.

– Мальчишка молочника видел, как с берега озера везли на подводе тело.

Мельком подумав, что мальчишка теперь станет героем дня для всей уличной оравы, комиссар вздохнул. Иногда он жалел, что не работает посреди глухой тайги или мазандранских джунглей.

– А почему вы спрашиваете? Об озере?

– Но ведь рождественские и праздничные гулянья! А на озере всегда делают каток. Разве вы забыли?

Комиссар мысленно проклял свою тупость. Вот что бывает, когда один рабочий день закончился в полночь, а следующий начался в четыре утра. Приближающиеся День независимости и Рождество напрочь вылетели из головы.

– Я вовсе не выпытываю у вас детали расследования и не собираюсь сеять панику в обществе, но мои дети хотят пойти на каток, и я волнуюсь...

– Вы же понимаете, что я не могу вам ответить, – сказал Бреннон, но продолжил уже помягче: – Но если вы уговорите ваших детей воздержаться от прогулок у озера, то это будет к лучшему.

Владелица кафе благодарно улыбнулась, но комиссар понял, что тревога ее не унялась. Он вышел из «Раковины» через полчаса, окутанный ароматом корицы и горячего медового напитка. Натана обволакивало чувство приятной сытости, и даже замороженные покойники не могли отравить этот миг немудреного счастья. Он уже собрался перейти улицу и вернуться в департамент, как вдруг заметил странное оживление около одного из домов.

Роксвилл, главную улицу Блэкуита, спроектировал архитектор, который, вероятно, с детства крайне пессимистично смотрел на жизнь. Прямая стрела Роксвилл-стрит пронзала город с севера на юг, сжатая высокими оградами из серого камня. Иногда они прерывались черными коваными решетками, а за ними виднелись квадратные, тяжелые, приземистые дома, темно-синие, черные и темно-серые. По улице вечно гулял пронизывающий ветер, а по ночам комиссару иногда казалось, что он бредет во тьме по кладбищу.

Среди прочих особо выделялся дом восемьдесят шесть – двухэтажный особняк, снизу густо-синий, сверху сизо-серый, под черной крышей. Решетка в каменной ограде состояла из острых, как когти, углов, а за ней начинался густо заросший сад. Когда-то здесь случился пожар, в котором погибла вся семья. Потом один из городских богачей купил дом, отремонтировал, но жить там не смог и съехал. Особняк несколько лет стоял пустым. Но сейчас перед распахнутой решеткой выстроились три телеги с чьим-то добром, а некий сухощавый тип в черном руководил снующими туда-сюда грузчиками.

Комиссар остановился рядом и, сунув руки в карманы, внимательно оглядел дом, телеги и сухощавого типа. Тот был молод – лет двадцати пяти или двадцати шести – и, вероятно ради солидности, отрастил черные бородку и усы – пожалуй, только их и удавалось разглядеть в тени от слишком широкополой шляпы. В целом же костюм молодого человека был безупречен, так обычно одеваются дворецкие из хорошего дома. Правда, для дворецкого господин казался слишком юн и тощ – Бреннон чаще встречал дворецких весом в двести пятьдесят фунтов и убеленных сединами.

– Въезжаем, а? – сурово спросил он у парня.

Тот взглянул на комиссара через плечо; из-под шляпы блеснули черные глаза.

– Комиссар Бреннон, полиция. – Натан предъявил значок. – Что это тут?

– Мистер Лонгсдейл переезжает в купленный им дом, сэр, – глуховато отозвался дворецкий.

«Да?!» – удивился комиссар и чуть было не спросил: «А зачем?» Казалось бы, если у человека есть столько денег, почему бы не купить милый особнячок на окраине, в хорошем районе, среди таких же сливок общества... и не путаться под ногами у полиции.

«На что ему этот гроб?» За минувшие годы дом не стал ни светлее, ни приятнее. Лонгсдейл Натану не нравился почти так же, как и сам особняк, и все же – жить в таком месте?.. Но продолжить допрос комиссар не успел – раздался цокот копыт, стук колес, и мимо Бреннона проехал экипаж. Он остановился напротив департамента, и изнутри, как шар, выкатился Айртон Бroyд. Следом наземь прыгнул огромный рыжий пес, потом – Лонгсдейл и, наконец, вылез Френсис Кеннеди. Все скрылись в здании, и Бреннон поспешил к месту службы.

Он вошел, когда шеф, собрав большую аудиторию, произносил пылкую речь об отцах города, мэре и епископе. На фразе «скопиче слабоумных кретинов» Бреннон громко кашлянул. Поскольку полицейские внимали начальству в благоговейном молчании, это прозвучало словно выстрел из пушки. Пес повернул морду и окинул комиссара долгим оценивающим взглядом. Лонгсдейл рассеянно осматривал комнату и происходящим не интересовался.

– Да, Бреннон? – раздраженно спросил Бroyд.

– Насколько я понял, сэр, мэр отказал вам в отмене гуляний на озере?

– Да! Они не видят в происходящем ничего опасного! Подумаешь, четверо замерзших алкоголиков! Они...

– Они не алкоголики, – вдруг сказал Лонгсдейл. – По крайней мере, сегодняшний. Он одет очень хорошо, а в руке у него – крест. Скорее всего, этого кто-то из числа служителей собора. Миряне не носят таких больших крестов.

Повисла напряженная тишина. «Глазастый сукин сын», – подумал Натан.

– С чего вы взяли? – пробурчал Бройд. Лонгсдейл удивленно посмотрел на него.

– Разве вы не заметили? Вокруг руки, в которой крест, во льду образовалась полость. Кроме того, лед довольно прозрачен. Все видно.

– Бреннон...

– Результаты вскрытия первого покойника у меня в кабинете, сэр.

– Все ко мне, – велел Бройд.

– Я хочу увидеть первый труп, – заявил консультант.

– Он все еще в разделочной... простите, я хотел сказать, в морге, сэр, – добавил Бреннон, адресуясь к начальству. Пес понюхал пол и потопал к лестнице, ведущей в подвал. Консультант (черт знает по каким вопросам) невозмутимо зашагал следом.

– Эй! – крикнул Бройд, но его вопль остался без ответа.

Бреннон с удовольствием проследил за тем, как начальство медленно багровеет, и поинтересовался:

– Вернуть его, сэр?

– Я не помню, чтобы разрешал этому юноше играть в моем морге, – холодно заметил мистер Кеннеди. Шеф полиции шумно задышал и устремился в разделочную.

Лонгсдейл уже скинул пальто и сюртук на свободный стол для вскрытий и задумчиво изучал тело первого утопленника, начав с головы. Пес, упираясь передними лапами в край стола, обнюхивал усопшего снизу вверх.

– Что вы себе позволяете! – вскричал мистер Кеннеди. – Немедленно уберите собаку!

Лонгсдейл скользнул по старичку по-детски прозрачным взглядом.

– Насколько я понял, вы извлекли сердце и легкие?

– Э... да, – несколько смешался патологоанатом. – Там наблюдалось интересное явление, которое я определил как причину смерти.

– Легкие и сердце полностью оледенели, – перевел для шефа Бреннон.

Бройд снял шляпу и провел по лбу платком. Его гнев легко разгорался, но и утихал так же быстро.

– Значит, вмешательство, – заключил он.

– Никаких вмешательств не бывает, – проворчал Кеннеди. – Бывают алкоголики, которые сперва зальют глаза всем, что горит, а потом видят фей, леших, призраков... Куда?!

Закончив исследование тела, пес уверенно двинулся к камере для хранения внутренностей и лапой повернул ручку. Лонгсдейл нырнул в помещение. Теперь уже мистер Кеннеди залился краской негодования.

– Бройд! Что это за тип?!

– Консультант, – меланхолично отвечал шеф, – по вмешательствам. С той стороны.

– Какого черта он...

Консультант вернулся. Он успел натянуть хлопковые перчатки и бережно держал полностью оледенелые легкие и сердце. Бреннон изумленно заморгал. Он впервые такое видел. Прочитав отчет, комиссар решил, что лед просто покрыл органы сверху, но теперь оказалось, что легкие и сердце будто выточены из него целиком.

– Что это за черт? – пробормотал он и осторожно ткнул легкое кончиком пальца. Оно было совершенно ледяное на ощупь.

Лонгсдейл рассматривал сердце на просвет. Бреннон мельком подумал, что с консультанта станется его облизать – и не успела эта мысль толком оформиться в разуме комиссара, как Лонгсдейл действительно лизнул оледеневший комок.

– Вы что, вконец рехнулись?! – рявкнул Натан, выхватив сердце, пока этот идиот не решил его погрызть.

– Причиной смерти было не оледенение, – произнес консультант. – Судя по всему, покойный скончался от инфаркта. Впрочем, повреждение миокарда легко списать на последствия оледенения, поэтому...

– Инфаркта? – спросил Бройд. – Но почему у него, черт побери, случился инфаркт?

– Я полагаю, от страха, – невозмутимо отвечал Лонгсдейл.

– Ест слизь из озера, – живописал Бреннон. – Лижет сердца трупов. Вламывается без приглашения в морг. Таскает за собой пса размером с годовалого барана. Сэр, вы уверены, что у него кукушка в порядке?

– Какая кукушка? – устало спросил Бройд.

– Голова, сэр. Мозги. То место, где у нормальных людей разум, сэр.

– Господи, Натан, оставьте его в покое! Он консультирует по случаям вмешательства! С чего ему быть нормальным?

– Логично, – признал комиссар. – Сэр, мэру вряд ли это все понравится.

– Мне плевать, понравится мэру или нет, – грозно отвечал шеф полиции, – даже если его вырвет на парадную рясу епископа. Тем не менее застуженные до льда легкие и сердце – это уже аргумент. Это то что надо. По крайней мере, я смогу выложить их на стол и убедить этих ослов, что на озере опасно. Натан, обхаживайте этого консультанта... Обычный человек такого не делает.

– Чего?!

– Того. Я хочу, чтобы вы вытрясли из Лонгсдейла, кто на такое способен и как этого гада прижать. Даже если консультант захочет лизать сердца, грызть лед или пить кровь – немедленно всем обеспечить. Он нам нужен.

– Зачем?

– Затем, что какая-то тварь разбрасывает по озеру обледеневшие трупы и я хочу свернуть ей шею. Ясно?

– Ясно, сэр, – угрюмо кивнул Бреннон и ушел.

В столе у него была припрятана фляжка с виски, и он стремился к ней всей душой. Кеннеди, узнав, что в его морге будет шастать посторонний, высказал негодование в выражениях, которые могут прийти на ум только всесторонне образованному, эрудированному ученому. Комиссар, человек подневольный, вынужден был терпеть. А потому очень сложно описать те чувства, которые он испытал, обнаружив в своем кабинете Лонгсдейла: консультант сидел в кресле комиссара и читал отчет о вскрытии, почесывая носком ботинка загривок пса.

– Какого черта вы тут делаете?! – зарычал Бреннон.

Консультант и пес посмотрели на него с таким одинаковым выражением, что Натану на миг стало не по себе.

– Я читаю, – кротко ответил Лонгсдейл.

– Отлично. Читать умеете. Рад за вас. Проваливайте из *моего* кресла!

– Извините, – чуть слышно пробормотал консультант.

Бреннон занял насиженное место и вспомнил, что незваного гостя велено обхаживать.

– Ну как, интересно? – осведомился комиссар. – Захватывающее чтиво, а? Наверняка в конце выяснится, что убийца – дворецкий.

– Какой еще дворецкий? Дворецкий здесь ни при чем. И вряд ли, – подумав, добавил Лонгсдейл, – тот, кто это сделал, считает себя убийцей.

– А кто это сделал?

– Пока не знаю.

– И я не знаю, – мрачно сказал Бреннон. – Поэтому шли бы вы домой и не мешали работать.

– В отчете сказано, что первый убитый страдал от алкогольной зависимости. Пьяницы, особенно горькие, часто видят то, что не видят другие.

– Еще бы. Зеленых сов, желтых карликов, красных слонов. Мой дядя видел чертей с вилами, бегал по двору и палил во все, что шевелится.

Пес фыркнул, и Бреннон неожиданно ощутил симпатию к бессловесному животному. С таким-то хозяином...

– Славная псина. Породистая. Как зовут?

– Кого?

– Собаку.

– Какую?

Натан с тоской вспомнил про виски.

– Хорошо, – произнес он, смирившись с присутствием консультанта в кабинете. – Вот карта. Тела были найдены тут, тут, здесь и сегодняшнее – там. Второго, четвертого, восьмого и одиннадцатого ноября. Это даты обнаружения. Смерть наступила за шесть-десять часов до этого. У первого...

– Неважно, где их нашли, – задумчиво сказал консультант. – Важно, как они туда попали.

– Думаете, наш типчик морозит людям легкие, а потом стаскивает тела в озеро?

– Я не думаю... А где остальные отчеты? Где тела?

– Оттаивают. – На лице консультирующего хлыща отразилось такое недоумение, что Бреннон не смог отказать себе в удовольствии. Он накинул пальто и поманил ценного специалиста за собой: – Пойдемте. Покажу.

К некоторому разочарованию комиссара, Лонгсдейл не стал ни грызть лед, ни даже лизать. Он обошел все три вырубленные глыбы (две старые жертвы плюс новая), поразмыслил и предложил их разморозить.

– Кеннеди против, – покачал головой комиссар. – Говорит, что если лед растопить, то это повредит тела. У нас и так первая жертва без лица осталась...

– Но у вас же есть череп.

– И что?

– По черепу можно восстановить лицо.

– Чего?!

– Антропологическая реконструкция, – терпеливо пояснил Лонгсдейл. – Ею уже занимаются Шрайбер в Линденне, Леруа и Стейнберг, Госсел в вашем столичном университете...

– Хорошо, хорошо! – торопливо вклинился Бреннон. Сначала он решил, что консультант опять мелет чушь, но цепочка имен хотя бы доказывала, что это не его собственная идея. – Я поговорю с Кеннеди. Без его ведома...

– Череп нужно очистить...

– Да-да.

– Провести измерения... – продолжал консультант.

– Конечно!

– Нанести метки...

– ХОРОШО!

Консультант наконец на миг умолк.

– А лед, – чуть слышно пробормотал он, – лед растопить...

К удивлению Бреннона, патологоанатом не наложил вето на затею Лонгсдейла. Старик глубоко задумался, однако с неохотой признал, что о таком методе слышал.

– Правда, результаты не всегда удовлетворительные. Однако, поскольку без опознания лежать этому джентльмену в безымянной могиле, думаю, худа не будет, если мистер Лонгсдейл попробует.

– Правда? – воспрянул комиссар. Наверняка это дело долгое, консультант перестанет мельтешишь перед глазами дня на три...

– Но под моим строгим контролем! – добавил Кеннеди.

– Уж конечно...

Спровадив Лонгсдейла в морг, Бреннон свистнул полицейского художника и увел его к ледяным глыбам на заднем дворе.

– Ну и рожи, – заметил студент, скептически оглядывая всех троих.

– А ты не разглядывай, – посоветовал Бреннон.

Он подошел к сегодняшней жертве и пристально всмотрелся. Одну руку покойник прижимал к груди, стиснув в кулак. Над пальцами виднелись перекладыны креста, вокруг которого образовалась шарообразная полость. Комиссар уткнулся носом в лед. Крест был крупный, тяжелый, из золота, украшен камнями. На черном рукаве мертвеца Бреннон заметил обрывок золотой цепи. Такую же разглядел на плече.

Около кабинета комиссара уже поджидали полисмены, опросившие жителей деревушки на берегу озера. Как всегда, никто ничего не видел, не слышал и вообще ни сном ни духом. Впрочем, на это Бреннон и не рассчитывал. Чтобы подчиненные не расслаблялись, он велел им дожидаться художника, получить портреты безвременно почивших и обойти дома всех, кто сообщал о пропаже друзей и родственников. Сам же комиссар прошелся щеткой по пальто, сюртуку, шляпе и направил свои стопы к оплоту духовности.

Кафедральный собор Девы Марии возносил купола над площадью Восстания, в паре шагов от полицейского департамента. Нищие на паперти, едва завидев Бреннона, с руганью бросились врассыпную. Бодрее всех уматывал паралитик. Комиссар фыркнул. До допроса этих сливок общества дело еще дойдет. Сейчас он хотел видеть епископа.

Соборная жизнь шла своим чередом, особой паники или беспокойства Бреннон не приметил. Он выловил в нефе пару юнцов из хора и потребовал отвести его к епископу Уитби. Юнцы пришли в смятение, но в конце концов комиссар оказался перед тяжелой дубовой дверью. Он только занес кулак, чтобы постучать, как в районе его лопатки раздалось неприязненное «Гкхм!». Бреннон оглянулся.

Саймон Уитби был изрядно ниже комиссара и явно не получил никакого удовольствия от встречи. Епископу исполнилось шестьдесят, и он относился к тем столпам общества, которые все еще считали полицейских чем-то вроде золотарей или поломоев. Поэтому, обнаружив одного из этих отбросов около своего кабинета, его преосвященство сердито раздулся и холодно осведомился:

– Что вы тут забыли? Милостыню раздают по пятницам.

Самый его тон подразумевал, что отброс устыдится и уползет в свою клоаку. Но Бреннон и не ждал сравнения с нежным цветком, чужая враждебность трогала его так же мало, как неурожай риса в Марандзане.

– Я повожу расследование убийства, жертвой которого стал один из служителей церкви. Подозреваю, что этой церкви. – Комиссар обвел пальцем коридорчик.

– Ваши гнусные намеки...

– Намеки здесь ни при чем. Сегодня утром мы обнаружили на озере труп одного из священников. В руке у него был крупный золотой крест, украшенный зелеными и красными камнями. Такой вряд ли найдется в обычной приходской церквушке. Как только художник закончит портрет, мы объявим этого человека в розыск... Не правда ли, лучше поделиться своими

соображениями со мной приватно, чем оповещать весь город о том, что священники воруют кресты и мрут нехорошей смертью?

Епископ утер платком покатый лоб. Бреннон был невысокого мнения об уме этого святоши, но все же аргументы его проняли. Уитби отпер дверь и резким жестом пригласил Натана войти.

– Отец Джозеф Тайн, – отрывисто сказал епископ. – Один из моих викариев. Он отвечает за сохранность церковной утвари. Из креста выпало несколько камней, и отец Тайн должен был отнести святыню к ювелиру. Насколько я понял, он договорился с ван Шпеером, что зайдет вечером, после закрытия его мастерской. Соблазн для мирян, сами понимаете.

Говоря это, епископ перебирал бумаги в ящике секретера. Вытащив какую-то папку, он сунул ее комиссару.

– Прошу. В соборе хранится столько ценных предметов, что я тщательно проверяю всех, кто имеет к ним доступ. Отец Тайн трудился на благо веры в моем соборе больше восьми лет. Ни малейшего подозрения, ни единого проступка...

– Поэтому, когда сегодня он не явился к вам отчитаться о сохранности креста, вы не стали беспокоить полицию?

Уитби брюзгливо насунился.

– Полиция нынче врзает без мыла туда, куда раньше ее не пускали далее порога! Но, чтоб вы знали, отец Тайн – чистейший, кристально честный человек! У меня и мысли не возникло, что он сбился с пути, присвоил крест и пустился в загул... Где он, кстати?

– В морге, – отвечал Бреннон, изучая досье.

Епископ нетерпеливо отмахнулся:

– Я имею в виду крест! Это ценнейшая реликвия, которой...

– Я и отвечаю. – Комиссар бросил на святошу взгляд исподлобья. – Крест в морге. Вмерз, понимаете ли. Но как только мы сможем отделить его от усопшего – то сразу вернем вашу святыню.

– В... в... вмерз? Куда вмерз? Как?..

– В тело. – Бреннон захлопнул папку. – Мы будем держать вас в курсе дела.

– Но послушайте!..

– Кстати, где вы были вчера и когда последний раз видели преподобного Тайна?

Епископ задохнулся от негодования. Однако поскольку его гневную речь Бреннон слушал без всякого интереса, то волей-неволей его преосвященству пришлось вернуться к неприглядной реальности.

– Вчера я покинул собор около пяти часов вечера. Отец Тайн заглянул ко мне незадолго до этого, уведомил о намерении посетить ювелира и ушел. Насколько я знаю, он собирался до шести находиться в соборе, а потом – идти к ван Шпееру. Они договорились о встрече в половине седьмого.

– Вы заметили что-нибудь странное? Необычное? Отец Тайн был взволнован, напуган, может, возбужден?

– Нет, – сухо отвечал епископ. – Не более чем всегда. Он докладывается мне каждый вторник. Докладывался...

– Благодарю, ваше преосвященство. – Бреннон похлопал по ладони свернутой папкой. – Мы будем держать вас в курсе...

– Но крест!..

– В особенности о ходе разморозки. Доброго дня, сэр.

Как и обещал епископу, комиссар не стал сидеть сложа руки. Спустя сорок минут после возвращения в теплый уютный кабинет Бреннон принял отчет по нападению на студента, разобрался с несколькими заявлениями о грабеже с убийствами на Мидрейнской дороге и узнал, что до ван Шпеера отец Тайн не дошел и домой тоже не возвращался.

Иногда комиссар задумывался над тем, кто же пишет детективные романы и рассказы и с чего все эти люди взяли, будто пострадавшие или родственники убитых бодро рапортуют при допросе, где были и что делали с точностью до минуты. Сестра отца Тайна вообще ничего не говорила, только беззвучно плакала в носовой платок. Это была худенькая, хрупкая дама лет пятидесяти, кроткая и тихая. Благодарно всхлипнув, когда Бреннон подал ей чашку чаю, она молча выслушала все, что он сказал, и замерла на стуле. Комиссар сел рядом и мягко спросил:

– Мисс, вы ждали вашего брата вчера?

Женщина замотала головой.

– Почему?

Она несколько раз судорожно вздохнула, и Бреннон придвинул к ней чашку.

– Он говорил перед уходом... – прошептала мисс Тайн и сделала несколько глоточков, – что понесет крест в починку... Я... Я думала... Он, если задерживался допоздна, спал на кушетке в кабинете... Я и решила... – У нее вырвалось короткое рыдание. – Он только не послал сегодня за булочками! Я всегда пекла ему булочки, а он посылал за ними, а сегодня не послал! – Мисс Тайн зашлась в горьком плаче.

«Вот свинья», – подумал Бреннон о епископе Уитби. Рукоположенному борову и в голову не пришло ни поискать отца Тайна, ни послать к его сестре служку.

– А я жду, жду... – шептала женщина. – Все жду и жду...

– Какой дорогой ваш брат обычно ходил из собора домой?

– Он брал кэб, – с трудом выговорила она. – Я и не знаю...

– Он заезжал куда-нибудь по дороге, покупал что-нибудь?

– Газеты, сэр, и любил печенье в лавке Брайтов...

Бреннон усадил мисс Тайн в кэб и сунул ей свою визитку, но едва ли женщина поняла, что ей дают. Комиссар проводил кэб долгим взглядом, размышляя о высокопоставленных чинах, но поскольку эти мысли никогда не были радостными, отбросил их. Следовало как можно скорее установить личности прочих погибших и выяснить, в какой точке они все могли пересечься.

Консультант нашелся на заднем дворе. Бреннон поежился: даже он зимой не выходил без пальто, сюртука и шарфа, а Лонгсдейл был без верхней одежды и не морщился. Он при помощи лупы изучал тела, а пес обнюхивал ледяные глыбы.

– Я могу их растопить.

– Покойников? – обрадовался комиссар. – Но Кеннеди боится, что это повредит трупы.

– Я знаю. – Лонгсдейл постучал пальцем по глыбе. – Я взял пробы льда. Как только в моем доме оборудуют лабораторию, я проведу опыты и определю наиболее безопасный способ...

– А! Выбрали дом восемьдесят шесть?

Консультант вздрогнул и уставился на Бреннона:

– Как вы узнали?!

– Увидел телеги и вашего дворецкого.

Лицо Лонгсдейла разочарованно вытянулось, как у ребенка, которому не показали фокус.

– Я-то думал...

– Что вы думали? – заинтересовался Натан, впервые обнаруживший в консультанте какую-то человеческую реакцию.

– Я думал, что раз вы рыжий и родились в воскресенье, которое пришлось на первое мая...

– У меня нет дурного ока, и третьим глазом я тоже ничего не пронзаю! – рявкнул комиссар, которого с детства допекали этим все соседские кумушки.

Лонгсдейл разочарованно вздохнул и потерял к Бреннону интерес. Пес тихо фыркнул.

– Что с черепом? – буркнул комиссар.

– Мистер Кеннеди наносит на него метки. Эта научная дисциплина еще только развивается, мы должны будем сами высчитать объем тканей...

– Короче!

– Уйдет дня три-четыре.

– Где вы будете этим заниматься?

– У себя, конечно, – отозвался Лонгсдейл. – Ваша лаборатория слишком скудно и примитивно оборудована. Рейден как раз должен закончить с перевозкой.

Комиссар обиженно засопел. К счастью, его отвлек дежурный с сообщением о том, что шеф ждет Бреннона у себя.

«Рейден», – размышлял Бреннон, поднимаясь к начальству. Комиссар отличался исключительной памятью на лица, но как ни старался, так и не смог вспомнить лицо дворецкого. Даже цвет глаз стерся из памяти. И это чувство было исключительно неприятным. Почти таким же неприятным, как воспоминание о суеверных бабках, уверявших его отца, что раз ребенок мало того что родился в майское воскресенье, так еще и рыжим, то он уж точно подменши!

– Бреннон! – возопил шеф, едва комиссар прикрыл дверь. – Вы снова ходили в собор!

– Да, сэр.

– Каждый раз, каждый, как вы туда суетесь, епископ строчит мэру жалобу на произвол мирских властей! Что вы с ним опять сделали?

– Я искал нашу жертву, сэр.

– Нашли?

– О да. Отец Джозеф Тайн. – Натан бегло описал трагическую судьбу священника. – Поэтому, сэр, я намерен допросить всех попов, которые имели дело с Тайном, и всех, кто мог видеть его в последний вечер. Едва ли наши жертвы посещали один клуб и вряд ли встречались в одних домах. Единственное, что их связывает, – место смерти и дорога, которой они туда добрались. Надо выяснить, где они были в ночь убийства. Если найдем совпадение – ухватим первый след.

Бройд задумчиво пригладил пышные усы.

– А что, если они умерли на озере?

– Но как-то же они туда добрались? Отец Тайн вообще должен был направляться в прямо противоположную от Уира сторону – к ювелирной лавке ван Шпеера. Но не направился.

– Гм... Гм-м-м...

– Кой черт понес его к озеру на ночь глядя? Первая жертва, над черепом которой сейчас издевается Кеннеди, вообще была одета в полудомашнюю одежду. Уир промерз на ярд в глубину, а этот тип шлялся там в одном жилете и тапочках.

– Думаете, он выскочил из дома потому, что его что-то позвало?

– Черт его знает, сэр, – угрюмо отозвался Бреннон. – Пьянчугу его же белая горячка может позвать куда угодно. Но как знать, вдруг и от консультанта будет толк.

– Мне казалось, вы скептически настроены...

– Да, сэр. Но меня удивляет крест.

– А что с ним?

– Тайн нес его к ювелиру, в починку. А умер с крестом в кулаке, прижатым к груди. Зачем он достал святой символ? Хотел отмахаться от убийцы этой цацкой?

– Бреннон! Вы все же полагаете... м-да...

– Обычный душегуб спер бы золотишко без раздумий.

– Значит, думаете, этот необычный? Так, может, его спугнули.

– А в лед наши покойники сами зарылись?

Айртон Бройд молча нахмурился. Бреннон задумчиво поскреб бородку. Вокруг креста во льду была лакуна. Интересно почему?

13 ноября

Ночь уже сгустилась до чернильного цвета, когда комиссар наконец решил, что на сегодня хватит. Полицейские с портретами жертв третий день прочесывали частым гребнем Блэкуит, а из списка без вести пропавших с трудом выцедили сорок шесть жертв, подходящих под описание безликого покойника. Пока Кеннеди и Лонгсдейл возятся с восстановлением лица, Бреннон велел обойти родичей и друзей всех пропавших сорокашестилетнего возраста. Оставалось допросить нищих у собора и жителей окрестных домов. Но это комиссар наметил следующим пунктом – число полисменов не безгранично, а прочие преступники тоже не сидели без дела; одной поножовщины вполне хватило бы на пару газетных колонок, набранных мелким шрифтом. Однако больше всего комиссара беспокоило то, что в преддверии праздничных гуляний мэр строго запретил «распространять пугающие слухи среди честных горожан». Как будто неведомый убийца ограничится нечестными...

«Ведь даже не ограбили», – думал Бреннон. За долгие годы он повидал всяких убийц – и сумасшедших, и маньяков, и садистов, – но ни один из них не смог бы прикончить жертву, заморозив ее внутренности, даже если бы и хотел.

Натан попрощался с дежурными и вышел в кристально холодную ночь. Было безветренно, ясно и безлунно. В небе искристо мерцала россыпь звезд. Задрав голову, комиссар постоял на месте, вздохнул, запахнул плотнее шарф и двинулся к дому.

Роксвилл-стрит опустела. Флаг на ратуше печально повис; тускло, как оловянные, поблескивали кресты на соборе; слева темнел парк, справа мерцал свет в окнах. Около дома восемьдесят шесть Бреннон замедлил шаг. Огни в особняке не горели, и он был так же темен и безмолвен, как раньше. Дом скорее напоминал склеп, чем обиталище живых, и в памяти Натана возникли полузабытые деревенские суеверия насчет ночных кровососущих тварей и псов из преисподней. Но поскольку ничего об этих преступных сущностях комиссар так и не смог припомнить (тридцать лет прошло, черт побери!), то он отвернулся и зашагал по Роксвилл-стрит, по иронии судьбы – в сторону озера.

Как назло, поблизости не было ни одного кэба, а подмораживало все сильнее. Бреннон поднял воротник пальто и замотал уши шарфом. Пальцы щипало даже в теплых перчатках. В прозрачном морозном воздухе свет фонарей казался холодным, будто пробивался сквозь тонкий лед. Стояла такая тишина, что похрустывание снега под ногами разносилось по всей улице. Натан шел, задумчиво склонив голову; он любил пройтись, но сейчас жалел, что не стал искать кэб. Хорошо хоть, нет ветра – иначе по всей Роксвилл-стрит свистело бы, пробирая до костей. Снег, к счастью, плотно утоптали, и не приходилось брести, утопая в вязкой каше.

Бреннон поглубже засунул руки в карманы, снова обвел взглядом улицу в поисках кэба, но ни одного не заметил. Он опустил голову, пряча нос в шарфе, и уставился на снег. У фундамента оград тихо шелестела поземка – тонкой вуалью она скользила вдоль камней, оставляя на них белый след. Бреннон тупо следил за ней, пока до него не дошло, что кругом абсолютно безветренно.

Вьющуюся по земле снежную дымку тянуло на север, к озеру. Бреннон очнулся, машинально сжал в кармане револьвер и, чуть не вскрикнув, отдернул руку – металл обжег его холодом даже сквозь перчатку. Да и в кого стрелять? Комиссар оглянулся – у противоположной стороны улицы мело точно так же. Снежная вуаль волнами катилась вдоль оград. Свет фонарей стал бледно-золотым и прозрачным, отчего тьма казалась еще непрогляднее.

В этом беззвучном скольжении снега было нечто завораживающее. Хрустальные шары золотистого света парили над улицей, слегка покачивались на фонарных столбах, как цветы. Бреннон поморгал и встряхнул головой. Подошел к ограде, наклонился и погрузил пальцы в волны поземки. Он ощутил сначала слабое тепло, затем холодное покалывание, а потом,

едва по руке вверх скользнула ледяная волна, в Бреннона врезалось что-то темное, горячее и тяжелое.

Комиссар кубарем покатился по земле. Нечто фыркнуло ему в ухо и исчезло во тьме переулка. Натан проводил это ошалелым взглядом, опустил глаза, ощутив дискомфорт, – и вздрогнул. Рукав и перчатка были покрыты тонкой, но плотной снеговой пленкой.

– Какого черта...

Поземка по-прежнему текла вдоль улицы, однако чуть дальше уже клубилась на фут выше земли. Комиссар выругался и кое-как поднялся. Рука онемела, но он разогнал кровь энергичным растиранием и хищно оглядел улицу. Она была все так же пустынна, и Бреннон решительно двинулся вперед – к пышным клубам поземки, похожим на белый дым. Страха комиссар не испытывал – нечто было горячим, значит, вполне живым, из плоти и крови, а раз так...

Спустя несколько минут комиссар уловил в тишине отзвук шагов. Бреннон пошел медленнее и отчетливо различил, как кто-то рядом сбился с ритма – чужие шаги стихли через секунду после его собственных. Натан опасно коснулся револьвера – тот все еще был похож на кусок льда.

«Ладно же...»

Комиссар ринулся в переулок, из которого доносились шаги, стиснул зубы и выдернул револьвер из кармана.

– Стоять!

Мог бы и не надрывать – переулок был пуст. Бреннон быстро обвел дулом «Морвейна» стены домов, крыши, крылечки. Никого. Судорожно выдохнув сквозь зубы, Натан выронил револьвер и стал растирать онемевшую от холода руку. Шаги послышались на Росквилл-стрит.

Это был человек. Определенно. Бреннон сунул руку во второй карман и сжал раскладной нож. Он тоже похолодел, но не так сильно, как «Морвейн». Комиссар щелкнул ножом, прижался к стене и сдавленно охнул – она была пронизывающе ледяная. Незнакомец тихо кашлянул. Комиссар вынырнул из переулка и увидел только черный силуэт, растаявший в ночи между двух домов. Впереди, вровень с крышами, клубился снег.

Было очень холодно. Дыхание превращалось в пар и тут же оседало на лице и бороде кристалликами льда. Бреннон медленно шел к клубящемуся снегу. В нем едва угадывались темные фонарные столбы, а над ними реяли бледно-золотистые светящиеся шары. Дышать стало почти больно от холода. Комиссар натянул шарф повыше.

Здесь жилые дома прерывались чередой магазинов – дорогих, с большими, льдисто блестящими витринами. Бреннон, стараясь дышать пореже и неглубоко, вошел в снежную взвесь. Пелена мельчайших колючих снежинок зависла в воздухе и слегка колыхалась. Оглядевшись, комиссар придвинулся к витринам. На одной из них снег лег странным, длинным узором – чуть наискосок, протянулся переплетением белых нитей. Натан проследил за узором и увидел продолжение на следующей витрине. И еще на одной, и еще, и дальше... Он двигался следом за узором, пока не остановился перед витриной, затянутой плотным слоем снега. Здесь воздух почти звенел от мороза. Бреннон сощурился, шагнул к витрине, и вдруг на ней сквозь снег проступил отпечаток ладони.

– Твою мать!

Комиссар отшатнулся. Снег взметнулся у его ног и обвил лодыжки. Бреннон вскрикнул от неожиданности, и словно в ответ, снежную пелену с шипением прорвал огненный шар. Он вцепился в витрину, расплескался по ней и окрасил все в бледно-алый. Снег вскипел и ошпарил Бреннона горячим паром. Натан отпрыгнул, прикрывая лицо, и в кого-то врезался. Этот кто-то яростно и непечатно вскрикнул, отшвырнул комиссара, как тряпичную куклу, и метнул поверх его головы еще один шар. Тот прорезал снежную пелену и взорвался где-то в северном конце Роксвилл-стрит; узоры на витринах потекли вниз.

Натан отлепился от холодной мокрой грязи, в которую превратился снег, и ошалело огляделся. Адский холод сгинул, ровно и не было; поземка пропала вместе с клубящимися в воздухе снежинками. Узоры растеклись лужами под витринами.

Какого черта?!

Револьвер комиссар нашел в переулке. «Морвейн» был вморожен в идеальный ледяной шар.

14 ноября

Бреннон аккуратно положил шар на стол шефа. Бройд смотрел на «Морвейн» так пронзительно, словно хотел взглядом растопить лед.

– И теперь, сэр, у меня только один вопрос: насколько компетентен ваш консультант?

– Я гляжу, вы изрядно потеряли в скептицизме, зато приобрели в вере. – Бройд потыкал пером в шар. За ночь лед и не подумал растаять.

– Я верю тому, что вижу, – невозмутимо изрек Бреннон. – А то, что я видел ночью, не по силам никому из людей. Если б кто-то не стал швыряться огнем, я бы сейчас стоял у нас на заднем дворе, упакованный в слой льда.

– Вы думаете, что огнеметатель и убийца – это два разных че... существа?

Комиссар задумался.

– Я бы не хотел, – неохотно произнес он, – чтобы улицы начали делить не только банды, но еще и полоумные колдуны. Но все же мне кажется очевидным, что тип с огнем и тип со льдом – это два разных... типа.

– Будь оно все проклято, – буркнул Бройд. – Епископ подзуживает мэра. Тот снова хочет разрешить гулянья на озере. И еще этот крест...

– Лонгсдейл сказал, что найдет способ растопить лед. Где он, кстати?

– Лонгсдейл?

– Ну не лед же.

– Не знаю, с утра не видел. Если он еще дрыхнет, разрешаю вам его растолкать.

Бреннон ухмыльнулся.

– Пахал в поте лица?

– Но-но, – нахмурился Бройд, – вчера он и Кеннеди возились с реконструкцией до глубокой ночи.

– И как?

Шеф сунул ему рисунок.

– Ну, по крайней мере, это похоже на человеческое лицо, – признал Бреннон. – Вручу парням, пусть ищут.

– Итого у нас есть вскрытие первой, неизвестной жертвы, личность четвертой и двое неопознанных во льду. Идите, Бреннон, займитесь делом. Добудьте мне еще что-нибудь, кроме зазеленелых легких и сердца. И не забудьте про крест!

«Легко сказать», – подумал комиссар. Видимо, внутренние органы впечатлили мэра не так сильно, как хотелось бы.

Однако с утра на Бреннона навалилось столько дел, что опомнился он только к обеду. Горожане хотели справедливости, и непременно от него. К двум часам Натану удалось урвать кусок хлеба с ветчиной и чашку чаю; тогда-то он и вспомнил про Лонгсдейла. Завернув револьвер в носовой платок, Бреннон оделся, предупредил дежурного и направился к дому консультанта.

Комиссару открыли не сразу. Натан даже подумал, что ошибся адресом или что консультант умотал отдавать визиты (или чем там заняты светские хлыщи), но тут дверь отворилась, и на пороге возник дворецкий.

– Добрый день, сэр.

«А может, все-таки камердинер», – подумал комиссар (уж больно молод для дворецкого) и сказал:

– Комиссар Бреннон, к мистеру Лонгсдейлу.

– Мистер Лонгсдейл спит, сэр.

– Спит?! В два часа дня?!

– Да, сэр.

– Так разбудите его! Расследование не ждет!

– Не могу, сэр, – холодно ответил дворецкий, всем своим видом показывая, что проблемы полицейского департамента его не касаются.

– Еще как можете, – отрезал Бреннон. – Вам тут не бирюльки, а четыре трупа. Живо, живо!

– Сэр! – вознегодовал дворецкий. Захлопнуть дверь он не успел – комиссар сунул между створкой и косяком трость и, пользуясь ею как рычагом, решительно отжал дверь. При этом он подивился тому, насколько тяжело оказалось преодолеть сопротивление такого худощавого парня. Не будь в трости скрытого клинка, сломалась бы... – Вы не имеете права!

– Имею, имею. – Бреннон втиснулся внутрь. – Где спальня?

В черных глазах молодого человека уже загорелись огоньки, как вдруг на сцене появилась собака. Пес встал на лестничной площадке, смерил комиссара долгим оценивающим взглядом и громко сказал:

– ВУФ.

Пол под ногами Натана вздрогнул, стекла в окнах зазвенели, посуда в буфете ответила им жалобным дребезжанием. У Бреннона зашевелились волосы под шляпой, и он едва не вылетел вон из дома, подстегнутый паническим страхом. На него еще ни разу не накатывал такой ужас, даже когда он первый раз бежал в атаку. Очнувшись, комиссар осознал, что прижался спиной к двери и выхватил из трости шпагу. Пес смотрел на него с любопытством и некоторым удивлением, склонив башку набок.

– Прошу следовать за мной, сэр, – пригласил дворецкий. Бреннон резко повернулся и успел заметить саркастичную усмешку на его лице. – Будьте добры убрать оружие, сэр.

– Угу, – мрачно отозвался комиссар и впился взглядом в эту невозмутимо-наглую физиономию. Она оказалась узкой и смуглой, с тонким прямым носом, высокими скулами и черными бровями. Левая бровь была рассечена надвое.

Но едва дворецкий отвернулся, как его лицо мгновенно испарилось из памяти Натана.

Да что за черт?!

Дворецкий поднялся по лестнице. Следуя за псом, он довел Бреннона до спальни, распахнул дверь и объявил:

– Комиссар Бреннон, сэр.

Ответом была тишина. Плотные шторы оказались задернуты, полог кровати – опущен. Комиссар кашлянул, но дворецкий не шелохнулся. Натан вздохнул и отдернул полог.

– Рота, подъем! – рявкнул бывший ротный во всю мощь.

Консультант взвился над кроватью, словно подброшенный пружиной.

– П-п-почему вы тут так?.. – выдавил он, едва приземлившись. – Чт-т-то вы вообще?!

Бреннон вытащил из кармана шар, сдернул с него платок и покрутил перед орлиным носом консультирующего выскочки. Лонгсдейл протер глаза и вполз на подушки повыше, занимая полусидячее положение. Он взял ледяной шар; комиссар замер в предвкушении и не обманулся – Лонгсдейл задумчиво полизал шар и изрек:

– Однако.

– Это ваше экспертное мнение? – осведомился Натан.

– Там, на каминной полке.

На полке Бреннон увидел четыре стакана. В одном была вода, в остальных – куски льда, кое-где – подтаявшие.

– У меня нет проб с первой жертвы, поскольку она уже разморозилась. Однако ряд проб с остальных позволяет предположить, что лед на первом умершем был наиболее близок к обычному.

Комиссар заинтересованно обернулся.

– А что, остальные необычные?

– Взгляните на первый стакан. Там были те кусочки, которые я отколол ото льда на озере. Они, как видите, растаяли. Чего об остальных кусках не скажешь. – Консультант протянул шар собаке, и пес обстоятельно его обнюхал. – Рейден, мой чай.

– Простите, сэ, – ответил дворецкий и испарился.

Комиссар взял стаканы (на них были ярлычки с номерами) и осмотрел льдинки. На вид они не отличались.

– Разница на глаз незаметна, – продолжал Лонгсдейл. – Больше того, лед с последнего покойника подтаял на треть, а вот ваш шар, как вы могли заметить, не тает в руках.

– И что это значит?

Глаза консультанта блеснули голубым огоньком.

– Оно совершенствуется.

Бреннон вздрогнул. Лонгсдейл смотрел на него в упор, не мигая, исподлобья, и крылья носа хищно раздувались, как у зверя. Комиссар не узнал бы его, столкнусь с ним на улице. Уголки губ Лонгсдейла приподнялись в улыбке, скривленной влево. Натан непроизвольно сжал рукоятку трости.

– Ваш чай, сэ, – возвестил дворецкий, материализуясь из воздуха.

Консультант заморгал.

– Чай? А, чай! О, конечно...

Он присосался к чашке, а Бреннон потихоньку утер пот со лба. Час от часу не легче. Пес внимательно на него смотрел; глаза угольками поблескивали из-под нависающих век. Комиссар вдруг подумал, что находится один на один с двумя людьми, о которых не знает ровным счетом ничего, плюс собака, явно натасканная на убийство неугодных.

– Все это, – как ни в чем не бывало заговорил консультант, – позволяет нам предположить, что лед, покрывающий жертв, совершенно иной природы, чем обычный. Более того, сущность эта раз от раза становится все искуснее и сильнее.

– То есть? – пробормотал Натан; сущность, которую он увидел только что, занимала его гораздо больше. Что это, черт возьми, за хрень?!

– То есть растопить лед обычным путем вам не удастся. Но его могу растопить я.

– И когда же вы этим займетесь?

– Сегодня ночью.

– Почему не днем?

Лонгсдейл тихо вздохнул.

– Боюсь, мне не удастся в двух словах растолковать вам суть процесса.

– Тогда вставайте и займитесь чем-нибудь полезным. У нас есть вещи первого убитого. Вы их осмотрите на предмет всякой... хм-м... дряни. Кроме того, сегодня ночью произошло кое-что по вашей части.

– Как только я позавтракаю...

– Вы едите ушами? Завтракайте и слушайте. Времени мало.

Консультант покорно отослал дворецкого за яичницей и беконом. Бреннон занял кресло и приступил к рассказу. Пес лег между ним и Лонгсдейлом и опустил морду на лапы, не сводя глаз с комиссара.

Рассказ о типе, плюющемся огнем, Лонгсдейла не впечатлил. Комиссару удалось выдать из него только прохладное «Гм-м-м...» и вялое обещание поискать огнеплойца. На этом Бреннон покинул дом, чтобы дожидаться консультанта на улице. Тот, с небольшим саквояжем в руках, присоединился к комиссару через несколько минут и зашагал к департаменту вместе с псом. Натан шел следом и чувствовал себя конвоиром.

– Вы покажете, где на вас напали? – спросил Лонгсдейл.

– Там, дальше по улице.

Комиссара всегда удивляло, до чего по-разному выглядит город ночью и днем. В темноте Роксвилл-стрит напоминала бесконечный холодный тоннель некрополя, в котором пробирают до костей сквозняки, а днем – вполне ничего, приличная и респектабельная улица. Вместе с консультантом Бреннон снова исследовал место нападения, но им удалось только позабавить прохожих – никаких следов к тому времени уже не осталось.

– Каков был отпечаток руки? – спросил Лонгсдейл, когда комиссар не без труда отыскал нужную витрину.

– Человеческим.

– Вы уверены?

– Не разглядел, – признался Натан. – Хотя размер вроде поменьше моего.

– Мужской или женской?

– Не знаю. Зайдем в лавку? Тут продают бакалею.

– Не стоит, – покачал головой консультант. – Хозяева не имеют к этому отношения. Разве что... – Он нахмурился. – Узнайте, откуда они берут воду.

– Из озера, – немного удивленно отвечал комиссар. – Все берут воду из озера. А что? В чем дело? У вас есть подозреваемый?

– Пока нет. Но есть место. Помните зеленую слизь, которая покрывает лед Уира изнутри?

– Да.

– Это водоросли, взбитые в пюре. Что-то или, в нашем случае, кто-то взбил их, как сливки, с такой силой, что они поднялись к поверхности, а там прилипли ко льду.

Бреннон озадаченно пощипал бородку.

– Ну и что вы предлагаете? Вскрыть весь лед на Уире? Да с нашего берега не видно противоположного! Оно площадью в двадцать пять квадратных миль. Как вы себе это представляете?

Лонгсдейл хмуро молчал. Внизу, у края витрины, уцелел кусочек морозного узора. Консультант достал лупу и наклонился к нему. За спиной Бреннона раздался стук копыт и шорох колес по снегу. Комиссар обернулся: у лавки остановился экипаж, из которого выбралась изящная девушка в серой юбке и сером пальто, с корзинкой в руках. Девушка подошла к лавке и принялась задумчиво пересчитывать свертки в корзине, словно была не уверена в их количестве. Натан, поколебавшись, громко кашлянул и позвал:

– Пегги!

Девушка вскинула голову, придерживая край шляпки, чтобы солнце не светило в глаза.

– Дядя! – радостно взвизгнула она, уронила корзинку в снег и с разбегу бросилась комиссару на шею. Он мужественно выдержал удар и осторожно обнял ее за талию.

Для Натана осталось загадкой, почему у его сестры и ее мужа, людей внешне ничем не примечательных, родилось такое дитя. Мать ее, миссис Шеридан, лицом напоминала лошадь, отец – кирпичи, на производстве которых сделал состояние; их дочь была похожа на фею. Чуть выше среднего роста, тоненькая, белокожая, с пышными каштановыми кудрями и огромными глазами цвета черного янтаря, Маргарет вызывала у ровесниц лютую зависть. К семнадцати годам она стала обладательницей изящного овального личика, тонкого носика, рта-вишенки и такого количества поклонников, что их список мог сойти за перепись мужского населения в возрасте от двадцати до сорока.

– Что ты тут делаешь? – спросила мисс Шеридан.

– Работаю. А ты?

– Покупаю подарки к Дню независимости.

– Уже?

Девушка осуждающе взглянула на комиссара:

– У меня очень много кузенов и кузин. И тебе тоже пора об этом подумать!

Бреннон смущенно хмыкнул. У него было в сумме восемь женатых братьев и замужних сестер, а потому число племянников не поддавалось разумному учету.

– Ну, когда я немного освобожусь...

Маргарет наклонилась за корзинкой и ойкнула.

– Собачка! Дядя, это твоя собачка?

Бреннон огляделся в поисках собачки, но обнаружил рядом только огромного рыжего пса, который таранился на Маргарет как на кусок вырезки.

– Это не собачка, Пегги. Это пес мистера Лонгсдейла. Мистер Лонгсдейл, консультант полицейского департамента. Мисс Шеридан, моя племянница.

Консультант на миг поднял глаза от нижнего края витрины, которую изучал, сидя на корточках, и вернулся к предмету исследования. Маргарет возмущенно вспыхнула: она привыкла к другой реакции на свое появление.

– Добрый день, сэр, – сквозь зубы процедила она.

Долг вежливости принял на себя пес – он подошел, два раза махнул хвостом и понюхал край ее кринолина.

– Какая большая и красивая! – восхитилась Маргарет. – А можно ее погладить?

– Нет! – взвыл комиссар, мигом представив, что оставит от племянницы здоровенный натасканный пес.

– Но почему? Сэр, вашу собачку можно гладить?

Консультант уставился на девушку, словно она его только что разбудила. Пес сел перед Маргарет и протянул ей лапу.

– Здравствуй, мистер пес, – серьезно, с уважением сказала мисс Шеридан и церемонно пожала могучую лапу, она едва уместилась в двух ладонях девушки. Пес понюхал руки и осторожно лизнул. – Как вас зовут, мистер?

– Как зовут вашу собаку? – перевел Лонгсдейлу комиссар.

– Зовут? Зовут?.. Никак, – пробормотал тот. – Он сам приходит...

– Так ты у нас безымянный, приятель, – вздохнул Бреннон; Маргарет упоенно чесала зверюге загривок и спину, зверюга млела.

Лонгсдейл дернул Натана за полу пальто:

– В каком направлении шел узор?

Комиссар махнул рукой:

– Оттуда сюда.

Лонгсдейл встал и посмотрел вдаль.

– К озеру, – добавил Бреннон.

– Я заберу лед от узора в лабораторию. Долбить лед на Уире – затея опасная. То, что пытается выбраться из него наружу, скорее всего, этого и добивается. Вопрос лишь в том, что это.

– Сэр! Сэр!

Бреннон обернулся. Молодой дежурный мчался к нему со всех ног.

– Сэр, есть совпадение! Первую жертву опознали!

– Это Колин Мерфи, – отдуваясь, на бегу выпаливал юноша. – Пивовар. Жена и сын здесь. Заявили о пропаже на следующий же день, первого ноября. Уф-ф-ф!..

– Выдохни, парень. – Бреннон поправил галстук и пригладил волосы. – Хорошо поработал. В мой кабинет их.

– Спасибо, сэр! Есть, сэр!

– Это тридцатое октября, – сказал Лонгсдейл. Он без труда поспевал за комиссаром и даже не запыхался. Пес трусил рядом, иногда оглядываясь на экипаж, увозивший мисс Шеридан. – Дата исчезновения первой жертвы. А нашли вы ее второго ноября.

– Я догадался, – буркнул Бреннон.

– Это Самайн.

Комиссар круто повернулся на каблуках. Последний раз он слышал это слово от деревенских кумушек лет тридцать назад. Консультант смотрел на него ясными голубыми глазами малолетнего дебила.

– Вы что, смеетесь?

– Мне нужно поднять все дела о смертях и исчезновениях за октябрь, – заявил этот недоумок. – Особенно за три дня до Самайна.

– Вам нужно, – процедил Бреннон, – заняться одеждой жертвы. Ваш отчет появится у меня на столе через два часа. Время пошло.

– Но!..

Комиссар развернулся и устремился в свой кабинет. Полисмены прятали в усах усмешки. Спина Бреннон чувствовал обиженный взгляд консультанта, но комиссар считал жесткие методы воспитания самыми действенными. Захлопывая дверь в кабинет, он заметил краем глаза, что Лонгсдейл скрылся в море.

Вдова Мерфи была кругленькая крепенькая дама с волевым подбородком, и Бреннон сразу понял, что допрос будет нелегким. Ее крупный красномордый сынок неуверенно мялся в углу, не решаясь лезть поперек мамки в пекло.

– Где мой муж?! – бросилась в бой вдова.

– Усоп, – ответил комиссар. – Две недели назад.

– И вы все это время держали его здесь?!

Бреннон обошел миссис Мерфи и сел в кресло.

– Как вы посмели?! Вместо того чтобы вернуть его нам, его скорбящей семье, вы оставили тело на поругание вашим мерзким мясникам! Всякие грязные воры, убийцы и бог знает кто еще лежат рядом с ним, а вы...

– К сожалению, мэм, поскольку ваш дорогой супруг лишился лица, мы не сразу его опознали.

Вдова поперхнулась, ее отпрыск заерзал на месте.

– Вы... вы имеете наглость...

– А так как его обнаружили в крайне неподобающем виде, то это вызывает множество вопросов относительно вашей семейной жизни.

Вдова испустила тонкий пронзительный звук, похожий на свист чайника.

– В ка... каком это смысле?

– Ваш муж замерз насмерть, – невозмутимо отвечал Бреннон. – Вы выгнали его из дома, и он скончался от холода на озере. Это доведение до смерти и карается...

– Я не выгоняла! – взвизгнула миссис Мерфи. – Он ушел сам!

– Сам? Ночью? В такой холод? Он, конечно, прикладывался к бутылке, как мы установили...

– Да он пил как сволочь! И каждый раз, как напьется, его тянуло гулять! Где мы его только не находили! А сколько раз его приводили соседи, когда он влезал к ним в сад, в сарай или ломился в дом!

– И той ночью его тоже потянуло на воздух?

Миссис Мерфи засопела.

– Он опять набрался, – наконец неохотно сказала вдовушка. – Уже пришел, приплясывая, паскуда! Я его уложила спать, потом разбудила к ужину, но где там! Встал хмельной. За ужином нагрузился так, что от одного запаха шатало. Бродил по дому, бродил, мы уж все двери заперли, да только пока мы – я и Брайан – засовы ворочали, этот гад в окно утек! Только хлопанье ставней и услышали. И с тех пор о нем ни слуху, ни духу, две недели как.

– Он что-нибудь говорил? Может, странно себя вел?

– Это вы на что это намекаете? – Вдовица воинственно выставила подбородок.

– На то, что сынок ваш наследует папаше, а раз уж тот такой горький пьяница, то в морозную ночь грех не ускорить события.

Брайан Мерфи захрипел. Его матушка, изрядно потеряв румянец, откинулась на спинку стула.

– Вы увидели, что ваш муж лыка не вяжет, вывели его из дому, закрыли дверь, а поскольку он у вас любитель гулять, то соседи...

– Нет!

– Соседи не обратили на него внимания. Ну, а сам он по пьяни дорогу домой не нашел. Где вы, кстати, живете?

– У озера, – пробасил Мерфи-младший. – В квартале, который к востоку от рыбацкой деревни.

– Ткни пальцем, парень. – Комиссар двинул к нему карту, и тот ткнул. Бреннон вонзил в карту булавку.

– Он и не баянил никогда, – вздохнула миссис Мерфи. – Только все хотел гулять. Воздухом, говорит, дышал, для бодрости духа. Вот и тогда все бродил по дому, бродил да бормотал.

– Что бормотал?

– Звон ему мерещился, – снова вступил в беседу сын покойного пивовара. – Мол, звенит что-то вокруг, и надо ему сходить да посмотреть, что это такое. Уж больно музыка приятная.

Бреннон сцепил пальцы под подбородком и устремил на семейку долгий, тяжелый взгляд исподлобья.

– Надеюсь, сейчас вы вспомните все детали того вечера. Пока я не дал ход подозрениям насчет вашей роли в этих событиях.

– Попробуйте сперва доказать...

– Впрочем, вы ведь понимаете, как легко оспорить завещание алкоголика. Родичи обдерут вас до нитки, если захотят.

Миссис Мерфи сглотнула. Похоже, эта мысль ее тоже мучила.

– Ну ладно, – неохотно сказала вдова. – Он вернулся навеселе, но не шибко. Лег вздремнуть, пока мы с Хеди, это горничная, грели ужин. Часам к восьми стали его будить, а он все ворочался и бормотал про какой-то звон и колокольцы. Наконец Брайан его растолкал. Сели есть, он давай к графину прикладываться. И рожа такая, будто все прислушивается к чему.

– А вы что-нибудь слышали?

– Куда нам, – ядовито отозвалась миссис Мерфи, – мы столько не выпьем. После ужина он все шатался по дому, искал что-то, на соседские дома в окна таращился. Пил опять же. И все искал, где звенит. Хотя звенело только в его залитой бренди башке! – вспыхнула женщина. – Наконец, часам к одиннадцати, он уже насосался, ну и понесло его. Полез искать свои колокольчики, только его и видели.

– Зачем вы заперли двери и окна после его ухода? – Вдова уставилась на комиссара с таким трепетом, что он порадовался собственной догадливости. – Не хотели, чтоб муж возвращался? Надеялись на морозную ночь, а?

Женщина потупилась.

– Если б вы знали, что такое пьянь в семье... Да наша пивоварня только на мне и Брайане и держалась!

– Сознаетесь?

Миссис Мерфи вскинулась.

– Жутко было, – вдруг пробасил Брайан. – Холодиной с озера тянуло и жутью какой-то... Я и запер. Ну его. Я в гостиной лег, услышал бы, если б отец домой ломился.

Вошел констебль Келли и прошептал на ухо комиссару несколько слов. Бреннон дождался, пока он выйдет, и обратился к сынку Мерфи:

– Итак, вы не дождались возвращения отца?

– Нет.

– А как вы объясните следы от выстрела из дробовика на вашей двери, причем изнутри? Мерфи-младший побагровел так, словно вот-вот лопнет, запустил пальцы в рыжие лохмы и шлепнулся на стул, как куль с тряпьем.

– Дверь, – пояснил комиссар Лонгсдейлу; тот хмуро изучал следы дробин, пока пес обнюхивал стены и садовую дорожку.

– Озеро видать прямо от порога, сэр, – сказал Келли. – И из половины окон.

– Очень близко, – пробормотал консультант.

– Допросить всех соседей и, по возможности, вообще жителей квартала, – велел Бреннон. – Особенно насчет того, что они слышали ночью и было ли у них чувство тревоги.

– Слушаюсь, сэр.

Комиссар наклонился к Лонгсдейлу:

– Вы говорили, что оно еще не может вылезти из озера. А меж тем сынок Мерфи услышал, как оно подошло к дому и постучалось, да так впечатлился, что пальнул из дробовика.

– Вы были правы, а я нет, – отозвался Лонгсдейл. – Мне следовало изучить одежду жертвы.

Бреннон удивленно помолчал. Он чувствовал себя как укротитель льва, который отважно ворвался в клетку и увидел в ней котенка.

– Ладно, – пробурчал он. – Я тоже погорячился. Однако впредь не указывайте мне, что делать, при моих подчиненных.

Консультант рассеянно кивнул и вышел на крыльцо.

– Видите? – Он ткнул пальцем в темные пятна на дереве. – Здесь оно коснулось двери. Доска промерзла насквозь.

Комиссар протяжно присвистнул.

– На одежде усопшего я нашел следы. То, что мистер Кеннеди принял за ушиб от падения, – это такой же отпечаток, как здесь. На одежде остался след от прикосновения, точно напротив сердца и легких. Я очень, очень крупно ошибся. Особенно насчет природы этой твари.

Пес тихо зарычал. Они спустились с крыльца; Лонгсдейл присел и провел пальцами по дорожке.

– Здесь оно шло.

– Мы можем пройти по его следам?

Консультант взглянул на небо – сумерки уже сгущались, и на востоке проступила тонкая розоватая дымка.

– Но, скорее всего, не успеем до темноты.

– Я не предлагаю шарить по его берлоге в ночи, – сказал Бреннон. – Посмотрим, куда ведут следы. Как вы думаете, лед на озере цел?

Лонгсдейл задумчиво потер подбородок.

– Не знаю. Ранее мне казалось, что это существо копит силы, чтобы выбраться из заточения подо льдом, для этого и отбирает жизненную силу у людей. Однако эта теория неверна, и в нее не укладывается выбор жертв. Будь это так, тварь опустошила бы рыбацкие деревни или этот квартал.

– Вы такое видели? – после паузы спросил Натан. Пес, опустив морду к земле, шел по следу. – Опустошенные деревни?

– Да, – отозвался консультант.

– И что?

– В каком смысле?

– Что вы делали?

Лонгсдейл угрюмо оглянулся на дом.

– Можно только убить.

«И как, черт подери, это сделать?» – подумал Бреннон. След вел к озеру. Люди опасливо смотрели на полицейских из-за оград домов и чуть слышно перешептывались. Улица спускалась к берегу Уира.

– Часто у вас такие холодные зимы? – спросил консультант.

Комиссар пожал плечами:

– Всякие случались. В год, когда меня призвали в армию, люди, бывало, мерзли насмерть прямо на улицах или в поле.

– А установить периодичность холодных зим...

– Да кто же вам ее установит? Можно стариков порасспросить, но они-то вам порасскажут.

Консультант нахмурился, покусывая губу. Пес бодро бежал вперед.

– У вас есть какие-то идеи?

– Пока нет, – неохотно отозвался Лонгсдейл. – Сегодня нужно разморозить трех жертв и провести вскрытие. Но если тварь разгуливает по городу совершенно свободно – то чего она добивается? Ночь, все дома. Она призывает жертв, так почему именно те, а не другие?

– Да какая ей разница, – фыркнул Натан. – Нравится людишек морозить, и только.

– Нет. Те, кто с той стороны, ничего не делают без причины. Даже если она кажется вам странной или глупой.

– Откуда вы вообще все это знаете? – поинтересовался Бреннон.

Лонгсдейл помолчал, глядя мимо него на песий хвост, а потом тихо, настойчиво сказал:

– Обещайте мне не ходить на озеро в одиночку.

Комиссар чуть не споткнулся от неожиданности. С чего это вдруг?! Лонгсдейл остановился и взял его за руку.

– Дайте мне слово.

– Еще чего! – рывкнул Бреннон и попытался вырваться, но ледяные пальцы намертво стиснули его ладонь.

– Тогда я даю вам слово, что буду защищать вас, – глуховато проговорил консультант.

Комиссар ощутил холодное пожатие, а потом этот полоумный спрыгнул на лед следом за собакой.

– Куда?!

– Стойте там!

Бреннон замер, повинувшись властному окрику скорее инстинктивно, но быстро очнулся.

– Какого черта?!

Лонгсдейл уже успел отбежать на несколько ярдов от берега. На голос комиссара он обернулся, и Натан успел заметить, что глаза консультанта горят полукружиями голубых огоньков. Раздался сухой резкий треск, и лед проломился прямо под ногами Лонгсдейла.

– Твою мать! – взвыл Бреннон. – Все сюда!

Не дожидаясь полицейских, комиссар спрыгнул на лед, заскользил и доехал до разлома на коленях. Пес, припав на передние лапы, склонился над плещущейся внизу чернотой и скалил зубы.

– Лонгсдейл! – крикнул Натан, скинул пальто и сунул руку в ледяную воду. Пес раздраженно рыкнул, схватил комиссара зубами за шиворот и рывком выдернул из пролома. Прежде чем Бреннон осознал такую наглость, в лед снизу что-то с силой ударило. Сердце комиссара екнуло – толщина ледового панциря была такой, что Лонгсдейл не проломил бы его, несмотря

на свою недюжинную силу. В памяти Натана мелькнуло воспоминание о том, как легко консультант пробил лед багром, – и тут его окружили полицейские.

– Багор! – крикнул Бреннон. – Багор, палку, трость – что угодно, живо! Носилки сюда, одеяла и полотенца!

Удар подо льдом повторился, а потом раздался скрежет, словно по льду изнутри провели гигантским когтем. Шерсть на собаке встала дыбом и затрепетала, как пламя на ветру. Пес опустил морду в пролом и низко зарычал. Звук отразился от воды и пошел по льду так, что тот мелко завибрировал. Полицейские шарахнулись в стороны, а сердце Бреннона ударилось о ребра с такой силой, будто пыталось вырваться и убежать.

– Лонгсдейл! – Комиссар вцепился в край разлома и снова нагнулся к воде. – Лонгсдейл! Я здесь!

Пес уставился на него горящими ярко-золотыми глазами, и тут из черной воды показались бледные руки в багровых рубцах. Бреннон схватил одну и потянул. Консультант вытянул руку и уцепился за край пролома. Хватаясь за Бреннона и собаку, он кое-как выполз на поверхность и обессиленно растянулся на льду. Натан, зарычав на подчиненных не хуже пса, принялся стаскивать с Лонгсдейла пальто, чтобы завернуть в свое, сухое.

– Вы, несчастный, полоумный кретин!

Лонгсдейл обхватил обеими руками пса и зарылся в его густую шерсть насколько мог. Натан укутал его сверху своим пальто. Консультант был холодным и мокрым насквозь, но почему-то не дрожал и не клацал зубами.

– Какого черта вы туда полезли?

– Я не лез, оно само, – невнятно пробормотал Лонгсдейл.

Появились полицейские с импровизированными носилками. Консультанта погрузили на них и понесли в полицейскую карету. Там Бреннон замотал его в несколько одеял, которые пожертвовали сердобольные кумушки. Пес запрыгнул в карету, решительно отпихнул комиссара всем весом и почти лег на Лонгсдейла. Тот снова обвил руками собаку, как подушку, и закопался в шерсть.

Бреннон сел. Он читал, что в горах пастухи натаскивают собак согреть своим теплом обмороженных. Тем более что шерсти на собаке хватило бы на небольшую палатку.

– Оно на меня напало, – сказал консультант. – Оно достаточно разумно, чтобы определить, кто и насколько для него опасен.

– А вы опасны, – скептически фыркнул Бреннон.

– Довольно. – Лонгсдейл прикрыл глаза, и комиссар задумался над тем, привиделись ему светящиеся в них огоньки или нет. В полумраке консультант всегда опускал очи долу, как стыдливая девица. Застенчивый или скрывает чего? – Ну и чего вы этим добились?

– Я его пощупал.

– А оно вас?

На белых скулах консультанта проступил слабый румянец.

– В ка... каком смысле?..

– Что-нибудь нащупали?

– Сложно сказать... Мне не удалось ничего оторвать.

Комиссар поперхнулся.

– А вы хотели?!

– А зачем еще мне, по-вашему, провоцировать эту тварь? Я хотел получить частицу плоти. Кроме того, в случаях вмешательства прямая провокация – один из лучших способов узнать о противнике как можно больше.

Бреннон тяжело задышал от ярости.

– Вы, консультирующий недоумок! Какого черта вы лезете в полевую работу?! Хотите, чтобы вас сожрали за большую сообразительность?! Высеките себе в башке: вы консультируете, мы ловим! Мы, а не вы со своими жентмунскими манерами!

Вырвавшееся просторечное словцо заставило Бреннона прикусить язык. Лонгсдейл открыл глаза и с бесконечным удивлением посмотрел на комиссара.

– Ловите? Как вы собрались ловить эту тварь?

Тут он комиссара поймал. Натан уже думал над тем, как им скрутить потустороннее существо, и ответа пока не нашел.

– Вы не сможете ее поймать. Только зря погубите людей.

– А вы будто сможете.

– Я не собираюсь ее ловить. – Лонгсдейл откинулся на спинку сиденья и прикрыл веки, притушив яркий голубой блеск глаз. – Я не консультант. Я охотник.

15 ноября

Несмотря на бодрые уверения консультанта, что с ним все в порядке, Бреннон совершенно не ожидал увидеть его на следующее утро. Даже такой крепкий мужик, как Лонгсдейл, должен был слечь после купания в ледяной воде минимум с простудой (Натан надеялся на воспаление легких). Однако назавтра джентльмен с собакой вновь объявился на пороге кабинета, как раз тогда, когда комиссар читал протоколы допросов студентов из кампуса, пытаясь выудить крупницу истины.

– Добрый день! – приветливо сказал Лонгсдейл и поставил на стол Бреннона чемоданчик. – Вы готовы?

– К чему? – Комиссар отложил дело убитого студента и окинул пышущего здоровьем консультанта долгим взглядом. – Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – озадачился Лонгсдейл. – А почему вы спрашиваете?

Пес не сдержался и громко фыркнул. Бреннон наклонился к нему:

– Привет, Здоровяк. А ты тоже цел и невредим, а?

– Какой еще здоровяк? – растерянно спросил Лонгсдейл.

– Ваш пес. Вот этот. – Комиссар указал пальцем для полной ясности. – У него же должна быть какая-то кличка, верно, Здоровяк?

Собака холодно посмотрела на благодетеля.

– Так к чему я должен быть готов? – Комиссар вновь выпрямился на стуле.

– Мы будем вытапливать ваших жертв из льда.

– Вы же говорили, что можно только ночью.

– Я исходил из неверных представлений о природе этой твари. Ночью она значительно сильнее. – Лонгсдейл поморщился, и Бреннон вспомнил багровые полосы на его руках. – Не будем так рисковать. Так что же, комиссар, я могу приступить?

– Пойдемте, – кивнул Натан, захлопнул папку и стянул с вешалки пальто.

В приемной они встретили Бройда и мистера Кеннеди. Оба пожелали присоединиться, шеф – почти с детским любопытством, патологоанатом – с полным скептицизмом.

Во дворе ледяные глыбы уложили на расстоянии в полтора фута друг от друга. Лонгсдейл скинул пальто, шарф и сюртук, закатал рукава, и Бреннон удивленно подумал, что рубцы вчера ему померещились. Из чемоданчика консультант достал бурдюк с узким горлом и плотной пробкой. Внутри оказалась соль, которой Лонгсдейл очертил широкий круг, заключив в него три глыбы. Комиссар присел и потрогал соль пальцем, даже понюхал. В ней были какие-то добавки – мелкие синие и зеленые кристаллики.

– Не облизывайте, – строго предупредил Лонгсдейл.

– Вам-то можно, – проворчал Натан, Кеннеди насмешливо хмыкнул.

Следом из чемоданчика появился длинный кинжал с трехгранным, с острым кончиком, клинком, без гарды. Лонгсдейл подошел к первому телу и забормотал себе под нос. Кинжал он держал как свечу, и вскоре Бреннону помстилось, что грани клинка и впрямь замерцали зеленым. Консультант принялся вырезать им какую-то надпись на глыбе. Лед под острием бесшумно плавился, словно стекло в стеклодувной мастерской. Покончив с резьбой по льду, Лонгсдейл встал в ногах, а его пес сел в головах усопших. Консультант откашлялся и вдруг затынул низким голосом протяжную басовую ноту.

Комиссар раздраженно переступил с ноги на ногу и сунул руки в карманы. Он несколько умерил скептицизм, но не до того, чтобы слушать заунывное вытье. Кроме того, Бреннону стало скучно, и он принялся изучать Лонгсдейла. Тот стоял, прикрыв глаза и чуть покачиваясь в такт издаваемым звукам, точнее, звуку, который понемногу менялся. Теперь он накатывал волнообразно, то тише, то громче, то выше, то глуше, и спустя несколько минут у Бреннона

закружилась голова. Лонгсдейл не прерывался на вдох и выдох, и этот низкий звук пронизывал голову Натана насквозь, пульсируя в висках, отдаваясь в костях и вплетаясь в сердцебиение. Физические ощущения померкли: мощный двор под ногами комиссара заколыхался, стены и небо подернулись туманной дымкой, и в ней он различал только два пятна – большое огненное и узкое зеленое.

Внезапно звук рванулся вверх и оборвался коротким рычащим выкриком. Бреннон дернулся и очнулся. Консультант открыл глаза и уставился на глыбы льда немигающим тяжелым взглядом исподлобья. Кинжал вспыхнул. Натан услышал журчание, опустил глаза и поперхнулся: лед стремительно таял, и вода растекалась большой лужей вокруг трех тел.

– Готово, – немного сипло сказал Лонгсдейл.

Пес встал, брезгливо отряхнул лапы от воды и обнюхал лицо одного из покойников. Айртон Бройд поморгал, пришел в себя и воскликнул:

– Но они же по-прежнему оледенелые!

– Ну... Да. Если я растоплю весь лед, то мы получим груды костей в луже плоти, а улики придется вычерпывать половником.

Шеф полиции нахмурился.

– Вы хотите сказать, они обледенели так же, как сердце и легкие первой жертвы?

– Да.

– Все целиком?!

– Я же говорю, что оно совершенствуется, – невозмутимо отвечал Лонгсдейл, вытер кинжал тряпицей и убрал его в ножны.

– И как мне их обыскивать? – поинтересовался у начальства комиссар.

– Визуально!

– А вскрывать я их буду тоже визуально? – фыркнул Кеннеди. – Или мне нужно вооружиться пилой и топором?

Бреннон подошел к телам. Они застыли в тех же позах, в каких застигла смерть. Отец Джозеф Тайн сжал в кулаке крест, который и держал на уровне груди, а пальцы другой сложил щепотью. Бреннон вытащил из кармана палочку (по опыту знал, что может пригодиться), присел на корточки и потыкал ею в пальцы священника.

– Он что-то сжимал в руке. В пальцах остался обрывок.

– Что это? – спросил Кеннеди, изучая тело через пенсне.

– Не знаю. Что-то черное, и из него торчат нитки.

– Это корешок книги. – Лонгсдейл склонил голову набок. – Кажется, Библия. Тут буква «Б». Золотое тиснение.

– Значит, где-то рядом с местом смерти валялась его Библия. Эта гадина выбила книгу у него из рук, но не побоялась креста. А, Лонгсдейл?

– Крест – просто игрушка, – отозвался консультант, и комиссар просто физически ощутил, как добрые католики вокруг впали в ступор. – Дорогая и красивая, но для этого существа неопасная. В отличие от подлинной реликвии, какой, видимо, была Библия отца Тайна.

– Угу. И проблема в том, что нам нужно обыскать весь Блэкуит в поисках книги с оборванным корешком.

– Но если найдем, обнаружим место смерти. Ведь мы до сих пор не знаем, где они умерли.

Бреннон задумчиво поскреб бородку. Идея Лонгсдейла была весьма здравой и комиссару тоже пришла в голову. Скорее всего, Библию кто-то подобрал. Кто-то из ста сорока тысяч жителей Блэкуита. Натан вздохнул.

– Ладно, – решил он. – Сперва осмотр тел. Потом ими займетесь вы, Кеннеди. И Лонгсдейл. Отчет вечером, у меня, в восемь. Сегодня нам нужно прояснить хоть что-нибудь. Прошло три дня, а новый труп в этой истории появляется как раз каждые три дня. Времени в обрез.

– Итак, что мы имеем, – сказал Бреннон и побарабанил пальцами по разделочному столу: трое усопших лежали на столах для вскрытия. – У нас три трупа, и ни с одного мы не можем собрать ни единой улики.

Четверо детективов из отдела Бреннона почтительно внимали начальству.

– Это возмутительно, – проворчал Кеннеди. – На жилете номера два я вижу светло-коричневое пятно, которое можно определить как пятно от пива. Но без малейшей уверенности. Как нам теперь работать?!

Лонгсдейл склонился над второй жертвой. Пес обнюхивал третью.

– Этот помягче, – заметил консультант. – Видимо, оледенение затронуло только внутренние органы и часть кровеносной системы. Можно попробовать вскрытие. Я буду ассистировать.

Кеннеди сердито фыркнул:

– Думаете, я не в состоянии орудовать пилой?

– Пока что, – холодно сказал комиссар, – перед нами трое умерших. И я желаю узнать от вас причину смерти. Ясно?

– Да, сэр, – дисциплинировано отозвался консультант.

Кеннеди открыл шкаф с инструментами.

– Нам нужно опознать вторую и третью жертвы. Бирн, займись. Пришпорь полицейских, заодно отследи все подозрительные исчезновения за прошедшие три недели. Далее. В руках отца Тайна была Библия. Риган, езжай к его сестре, узнай, нет ли у них семейной Библии или еще чего в том же роде. Потом организуй допрос всех, кто мог подобрать книгу. Кругами, центр – от собора. Двайер, допроси всех до единого жителей квартала, в котором дом Мерфи. Все, что они могут вспомнить о той ночи. Галлахер, займись собором. Найди и допроси всех попов и их служек. Я хочу знать последний день отца Тайна по минутам. Ясно?

Детективы отозвались нестройным хором.

– Тогда еще разок взгляните на них попристальней, – процедил Бреннон. – Чем медленнее мы шевелимся, тем больше у нас будет таких красавчиков. Усекли?

– Сэр, – выступил Риган, – а нам дадут какие-нибудь обереги?

– Чего? – с угрозой переспросил комиссар.

Риган сглотнул.

– Ну это же... нечистая сила, да?

– Нет, – сказал Лонгсдейл, не отвлекаясь от ощупывания тела. – Нечисть тут совершенно ни при чем.

Детективы притихли. Бреннон обвел их долгим тяжелым взглядом.

– Ну? Еще желающие поболтать о бабских суевериях?

Желающих не нашлось.

– Тогда проваливайте. И если я узнаю, что кто-то распространяет деревенские сплетни!..

– Вы хотите сказать, что у этого явления естественная причина? – поинтересовался Кеннеди и потыкал пинцетом в ногу отца Тайна. Металлическая оправа тихонько звякнула о лед.

– Нет. Но и нечисть здесь ни при чем. Мы имеем дело с нежитью.

– А что, есть разница? – пробормотал комиссар, не успев обрадоваться проблеску нормальности.

– Да. Дайте, пожалуйста, пилу.

– Без меня, – твердо решил Натан. У него было намечено еще одно дело.

Одеваясь у себя в кабинете, Бреннон перебирал в уме все, что ему было известно о консультанте. А известно чертовски мало. Комиссар мрачно фыркнул. Пора в конце концов взглянуть правде в лицо – Лонгсдейл, несмотря на свой прилизанный вид, вовсе не безобидная комнатная собачка. Он объявился в городе только к четвертому убийству, но это ничего не значило – этот тип вполне мог отсиживаться в какой-нибудь норе.

Из всех странных (мягко говоря) свойств Лонгсдейла комиссара больше всего поражали его познания. Где нормальный человек вообще мог такого набраться?! Кто в здравом уме станет интересоваться, как извести нечисть? Либо полоумный собиратель деревенских небылиц, либо... Бреннон поехался. Фокус, который Лонгсдейл показал буквально пару часов назад, был абсолютно реален.

Поэтому Натан решительно направился к дому восемьдесят шесть с твердым намерением узнать как можно больше, пока Лонгсдейл и Кеннеди занимаются вскрытиями. С утра пораньше он навел справки во всех трех бюро по найму прислуги и узнал, что консультант не нанял ни одной горничной, ни единого слуги и даже кухарки. Неужто недосуг? А на что тогда дворецкий?

Комиссар поднялся по чисто выметенным ступенькам и позвонил в блестящий звонок. Кто все это моет и чистит? Кто готовит? Или консультант не ест? Или ест... что-то вместо еды. Спит днем...

Дворецкий открыл дверь и явно не обрадовался визиту.

– Мистер Лонгсдейл у вас в департаменте, сэр, – холодно сообщил он.

– Я знаю. – Бреннон ткнулся было внутрь, но парень вцепился одной рукой в косяк, другой в дверь и грудью встал на защиту дома.

– Сэр!

– Есть что скрывать? – добродушно осведомился комиссар. – Любовниц водим? Танцульки устраиваем? Или хозяйское добро ворует?

Дворецкий одарил Бреннона таким взглядом, в котором можно было изжариться. Комиссару и впрямь стало жарковато. Может, из-за теплого воздуха, шедшего из дома.

– Ну?

– Что вам нужно? – сквозь зубы спросил дворецкий.

– Войти.

– Зачем?

– Сынок, – мягко сказал Натан, – мне не задают таких вопросов.

Парень отступил, но дверь за комиссаром захлопнул с такой силой, что окна зазвенели.

– Как тебя зовут?

– Джон Рейден.

– А если крикнуть «Джон!», кто отзовется?

– В нашем доме не принято кричать «Джон», сэр.

«А что принято в вашем доме?»

Бреннон бегло осмотрел темный холл, едва освещенный парой узких, как бойницы, окон слева и справа от двери. Дубовая лестница вела на второй этаж, неподалеку стоял столик с подносом для писем и визиток. И больше ничего.

– Где слуги?

– Кто? – Темные глаза Рейдена недобро сузились.

– Прислуга. Кухарка, горничная, лакеи...

– Мы пока еще никого не нанимали, сэр.

– То есть вы моете дом, готовите еду, стираете и разжигаете камин в одиночку?

– Мы заказываем еду в кафе, а стирку – в прачечной.

– Где?

Дворецкий подошел к столу, разыскал на нем пару визиток и ткнул комиссару в руки. Тот бегло взглянул и сунул их в карман.

– А моете полы, значит, сами. Прямо вот этими руками. Где кухня?

– Вы голодны, сэр?

Бреннон смерил нахала косым взглядом. Для слуги из хорошего дома он был слишком языкастым.

– Люблю выпить чаю с кухаркой или пропустить стаканчик хересу с дворецким. От этих почтенных людей можно немало узнать, а?

Судя по лицу Рейдена, на его херес Бреннон мог не рассчитывать. Дворецкий стремительно направился к кухне – через пустой холл, в узкий коридор, пять ступеней вниз – и вот оно, огромное пространство с очагом впечатляющих размеров. Кругом царил идеальный порядок, утварь блестела в свете солнца из окошек под потолком, вертела сверкали, как клинки... и никого. Натан покачал пальцем высокую стеклянную колбу с паприкой. Целый ряд специй выстроился на полке, под связками сушеных трав.

«Не готовят они тут, как же... Но кто этим занимается?»

– Давно на Лонгсдейла работаете?

– Пять лет.

– Долго. Могу взглянуть на ваши рекомендации?

– Нет.

Бреннон повернулся и поднял бровь. Прислуга хранила рекомендательные письма как сокровища, ведь именно они были гарантией найма на работу. Дворецкий стоял у двери, скрестив руки на груди, и в этом было что-то угрожающее.

– Где вы служили до того?

– Нигде. Мистер Лонгсдейл – мой первый наниматель.

– Подробней.

– Меня допрашивают? – Рассеченная надвое бровь приподнялась. – Это уже полицейский произвол или пока только превышение полномочий?

Бреннон пристально изучил эту скуластую, узкую, наглуую физию. Почему он не запоминается, черт возьми?

– Я навожу справки о человеке, который сотрудничает с полицейским департаментом. Если он вообще человек.

Глаза дворецкого изумленно расширились. У комиссара что-то екнуло внутри.

– С чего вы взяли?

– А почему бы мне и не взять? – с расстановкой произнес комиссар. – Ты бы взгляделся в своего хозяина попристальней, парень. Откуда ты его знаешь? Где познакомился? Как поступил на службу?

Рейден привалился спиной к кухонной двери, и замок защелкнулся. Бреннон сжал рукоять трости.

– Сколько любопытства, – процедил Рейден. В полутени его лицо казалось бледнее, а глаза стали совершенно черными. Натан не сводил с него взгляд и все же упустил момент, когда в черноте зрачков вспыхнули янтарные огоньки.

Стоя перед родным департаментом, Бреннон пытался сообразить, как он здесь очутился. Он точно помнил, что вышел и куда-то направлялся, но куда и зачем? Явно шел с какой-то целью, не стал бы он просто так бродить в разгар расследования, но с какой? Натан сунул руки в карманы – может, там осталась записка? Улика? Что-то же толкнуло его пойти черт знает куда! И как он вернулся?..

– Мистер Бреннон!

Он обернулся. Этот голос ему всегда был приятен – но сегодня в особенности, потому что мелодичный оклик несколько развеял туман, клубящийся в голове. Вдова ван Аллен спешила к нему в сопровождении старшего сына и приветливо улыбалась.

– Добрый день. – Комиссар поклонился и благодушным кивком ответил на почтительное приветствие молодого человека. – Как ваши дела?

– Благодарю вас, превосходно. Однако вы не были у нас уже два дня. Не желаете ли пообедать?

При слове «обед» в душе (и желудке) Натана все всколыхнулось, тем более что в департаменте срочных дел не предвиделось, а результаты вскрытия раньше вечера можно было не ждать.

Когда комиссар покончил с десертом и придвинул к себе большую чашку чая, миссис ван Аллен присела за его стол и смущенно кашлянула.

– Великолепное жаркое, – сказал Натан, чтобы начать беседу. – Тает во рту.

– Да-да, спасибо, – рассеянно согласилась вдова. – Скажите, мэр все-таки разрешил гулянья на озере или нет?

Бреннон посмотрел на нее поверх чашки. Хозяйка кафе отвела взгляд и призналась:

– Мы прямо напротив вашего департамента и открыты с раннего утра до поздней ночи. Их уже четверо, верно?

– Верно, – проронил комиссар.

В самом деле, трудно не заметить подводы с глыбами льда... Но как она догадалась о том, что это?

– И будут еще?

Она испытующе смотрела Бреннону в лицо. Натан задумчиво побарабанил пальцами по блюду. В конце концов, скоро уже пойдут слухи.

– Вероятно, если мы не предпримем мер предосторожности.

– Каких?

– Не выходите из дома ночью.

Миссис ван Аллен слабо вздохнула. Бреннон подбирал слова:

– Не открывайте никому после заката. Даже если вам будет казаться... м-м-м... что вас зовут, что с улицы слышен звон или чей-то голос, даже если вам захочется выйти.

– Боже мой, – тихо проговорила миссис ван Аллен. – Это не человек.

Комиссар подобрался. Она не спрашивала. Значит, знала.

– Почему вы так уверены?

Женщина как будто не услышала. Она смотрела сквозь собеседника, глубоко задумавшись, а потом вдруг накрыла руку комиссара своей. Бреннон вздрогнул так, что чуть не окатил себя чаем. Более неприличного жеста от такой уважаемой дамы и представить трудно.

– Миссис!

– Простите, – очнулась вдова, вспыхнула румянцем и убрала руку. – Вы так это описываете, словно уверены, что нам угрожает не человек. Кроме того, в вашем департаменте появился этот консультант по странностям.

«Вот трепло!» – подумал Натан совокупно обо всех полицейских. Шум в голове утих, и комиссар почувствовал, что память несколько прояснилась. По крайней мере, теперь он был уверен, что шел к дому Лонгсдейла. Если еще немного поднатужится, то, глядишь, даже вспомнит – зачем.

– Это пока еще не установлено, – заметил Бреннон, но по лицу женщины понял, что отговорка вышла неубедительной.

– Возьмете с собой медового напитка? В нем ни капли спирта, его можно при исполнении.

– Пожалуй... Скажите, у вас есть друзья за городом?

Миссис ван Аллен покачала головой:

– Нет. Думаете, это повторится?

Бреннон поднял бровь.

– Их привозили в департамент каждые три-четыре дня. А сегодня уже пятый после того, как...

«Хорошо, что дураков больше, чем умных», – подумал комиссар. Не все способны подсчитать дни, как миссис ван Аллен. Но пока не все и знают, что эти дни нужно считать. А вот что будет, когда трупов станет слишком много...

– Вы позволите мне предупредить друзей? Обещаю, что никакой паники...

– Да.

Вдова улыбнулась, но улыбка тут же угасла.

– Вы уверены, что этот человек, которого ваши люди называют консультантом, сможет нам чем-нибудь помочь?

– По крайней мере, он скажет, как эту тварь прикончить.

Миссис ван Аллен, чуть нахмурившись, задержала взгляд на полицейском департаменте и поднялась.

– Я принесу вам напиток.

Бреннон проследил за ее взглядом. Консультант и его пес стояли у крыльца и пристально смотрели на пекарню.

– Садитесь, Бреннон, – буркнул Бройд, – подвезу.

Покатиться в одном экипаже с начальством было большой честью, но Натан понимал, что шеф просто не хочет обрести вместо комиссара ледовую скульптуру. Бреннон забрался внутрь, и кучер тронулся с места.

– Еще немного – и они откажутся выходить на улицы, – негромко сказал Натан. – Сегодня детективы спрашивали об амулетах против нечисти.

– И что сказал консультант?

– Сказал, что это не нечисть.

– А что ж тогда? – удивился Бройд.

– Нежить.

Шеф полиции поразмыслил.

– А есть разница?

– Для нас принципиальной нет. Вопрос в том, насколько мы можем доверять его объяснениям.

Память Натана прояснилась еще до конца бутылки с медовым напитком. И Бреннон не стал таить от начальства ценные сведения насчет консультанта и его дворецкого. Пусть он ни черта не понял в том, что именно Рейден сделал, зато было ясно как день: так можно защищать только какой-то крайне важный секрет.

– Мы вообще знаем, откуда он? У него имперская фамилия, – закончил свою речь комиссар.

Бройд покряхтел несколько виновато, как различил Натан.

– Тут немало людей с имперскими фамилиями. Лонгсдейла мне посоветовали из столицы, письма, рекомендации, отзывы – я все проверил. Все настоящее.

– Это им так кажется, – сказал Натан. – Откуда нам знать, что этот дворецкий может внушить человеку.

Шеф хмуро молчал. Бреннон отвернулся к окну. По стеклу ползли морозные узоры, потихоньку съедая его от краев к центру. Натан вздохнул, и дыхание превратилось в пар.

– Как это начинается? – спросил Бройд.

– Становится холодно.

– Что, еще холоднее?

– Угу.

– Да тут и так не майский день, – пробурчал Бройд и откинул с сиденья узорчатую мазандранскую шаль. На комиссара блеснули длинными дулами два револьвера «Морриган». Бреннон не видел их с тех пор, как Бройд палил из них в красные имперские мундиры.

– Это единственные, в которые я смог засунуть серебряные пули, – пыхнул сигарой бывший полковник. – Бери.

– Думаете, поможет?

– Думаю, не только у меня была кормилица из деревни.

Натан положил на колени револьвер. В темноте напротив тлел красный огонек сигары. Иногда внутрь проскальзывал холодный свет фонарей и бросал стеклянные блики на широкие руки Бройда, его тяжелую бульдожью челюсть, седые баки и светло-голубые глаза. Когда-то Роксвилл-стрит дымилась в огнях пожарищ, и от баррикады до баррикады ее усеивали тела горожан.

– Еще, говорят, рябина помогает, – порывшись в памяти, заметил Бреннон.

– Срубим ближайшую и наделаем рябиновых крестов для парней. Заодно совместим с колом.

Пар от дыхания осел холодными каплями и свернулся в льдинки. Полковник и ротный переглянулись. Испуганно всхрапнула лошадь снаружи. Бройд стукнул тростью в стенку, и экипаж встал.

– Залезай, – велел кучеру шеф полиции.

Бедолага, мелко стуча зубами, даже не стал благодарить и забился внутрь. Бреннон сунул ему медвежью полость и спрыгнул на скрипящий, искрящийся снег. Здесь Росквилл-стрит пересекалась с Эханн-роуд. Район исключительно богатый и уважаемый. И чертовски далекий от озера. Экипаж остановился около высокой каменной ограды с коваными воротами.

– Далеко оно зашло, – прошептал комиссар.

Ажурную решетку створок покрывал иней. Его острые белые шипы стремительно росли, заполняя каждый промежуток в ковке, пока решетка не сверкнула лаковым ледяным витражом. Руку Бреннона обжег знакомый холод, и Натан сунул револьвер в карман. Еще не хватало и этот заморозить к чертям, так никакого жалованья не хватит...

Лошадь громко заржала и забилась в упряжи. Бреннон схватил ее под уздцы и положил ладонь на холку – скотинка мелко тряслась и дико косила глазами, будто готова была бежать во все стороны одновременно, лишь бы подальше. Эханн-роуд поднималась на низкий, пологий холмик, и со своего места Натан первым разглядел появляющиеся на белоснежном полотне узкие следы.

– Сэр, – тихо позвал он.

– Все-таки пришла... – прошептал Бройд.

Отпечатки маленьких босых ног цепочкой потянулись к ним. Воздух стал неподвижен и холоден, и Бреннону показалось, что он дышит жидким льдом. Холод обжигал легкие и горло, от него звенело в голове. Или от чего-то еще.

Бройд медленно поднял руку. Над улицей скользнул чуть слышный, холодный вздох, и шеф выстрелил на звук. Бреннон тут же выхватил «Морриган» и пальнул в сторону следов. Пара серебряных пуль пронеслась над следами и выбила ледовую крошку из высокой ограды напротив. Но тварь все же остановилась. Цепочка следов прервалась в дюжине ярдов от людей. Прикрывая начальству спину, Натан повернулся кругом – никого. Только тишина и невыносимый холод сквозь перчатку... и чувство, что оно рядом.

На толстом слое льда, что покрывал стены домов, напротив комиссара проступило два отпечатка ладоней. Бреннон выстрелил. Пуля ударила промеж отпечатков и рикошетом усвистела куда-то в сторону. На миг Натану поместилось, что он слышит голос – обрывок шепота, принесенный ветром.

– По крайней мере, нам удалось привлечь ее внимание, – пробормотал Бройд.

Бреннон не ответил – его мало утешало то, что тварь сожрет их вместо какой-нибудь невинной жертвы. На витраже, в который превратилась решетка, появились отпечатки пальцев – длинные узкие полосы, словно кто-то вел по льду рукой, подбираясь ближе. Пальцы комиссара онемели, и он подумал, что уже не бросит пушку, даже если захочет, а выстрелить – не сможет.

– Если я врежу ей в зубы, – процедил Натан, – это зачтется как нападение на подозреваемого?

Бройд не ответил. Комиссар обернулся, ожидая увидеть оледенелый труп, но шеф был жив. Бывший полковник глядел на холмик, с которого спустилась тварь, и Натан просто всем телом ощутил, что гадина тоже замерла.

Там стоял пес. Опустив по-волчьи морду, он не сводил глаз с людей и с того, что было рядом. Когда зверь неспешно обнажил длинные клыки, тварь отшатнулась. В глазах пса горели золотистые огоньки, и шерсть колыхалась, словно от ветра, хотя на всей Роксвилл-стрит не было ни единого дуновения. В темноте рыжая шерсть казалась пламенеющей.

Пес издал тихое низкое рычание и двинулся вперед. Бреннон не столько услышал его, сколько ощутил, как от рыка по снегу под ногами прошла слабая дрожь. Тварь отступала. Она по-прежнему была невидима, но пес явно знал, где она. Существо пятилось вниз по Роксвилл-стрит, в сторону, противоположную озеру, и собака определенно загоняла его туда намерено.

– Оно сейчас побежит, – прошептал Бройд и вскинул револьвер. – Там жилые кварталы...

Из темноты выскользнула высокая фигура. Она подняла руку, и вспыхнувший зеленым огнем трехгранник осветил прозрачные бледно-голубые глаза Лонгсдейла.

– Стой, – тихо сказал консультант.

«Он ее видит», – подумал Бреннон. Следы на снегу панически смешались. Пес припал к земле и помчался вперед длинными стелющимися прыжками. В лицо консультанту ударил ветер, вздыбил волосы и раздул парусами рукава рубашки. Похоже, тварь все-таки решила, что пес страшнее, – снег взвился вихревым столбом и штопором вкрутился в Лонгсдейла.

– Эй! – взревел Бреннон. Он не понимал, что может сделать этой твари, поэтому просто ринулся вперед, сжимая в кулаке посеребренный комиссарский значок. Но пес успел раньше – распластался в мощном прыжке и врезался грудью в снежную заверт. Среди снега сверкнул зеленым огнем клинок Лонгсдейла, а потом вихрь взмыл в воздух и унесся прочь, словно простыня, сорванная с веревки порывом ветра.

Пес сошел с хозяина, которого впечатал в землю всеми четырьмя лапами, и с независимым видом понюхал следы твари. На морде собаки читалась явная досада пополам с раздражением. Бреннон протянул консультанту руку и вздрогнул, когда ледяные пальцы стиснули запястье.

– Спасибо, – несколько хрипловато сказал Лонгсдейл, поднялся, встряхнулся, как кот, и склонился над следами. Затем присел на корточки и приложил к ним ладонь – отпечатки были вдвое меньше.

– Матерь Божья, – просипел комиссар, – это же ребенок...

– Даже не знаю, чему мне больше радоваться, – задумчиво сказал Бройд, – тому, что это ребенок, или тому, что это чертова потусторонняя тварь.

Бреннон тактично молчал. В камине дома восемьдесят шесть пылал огонь, консультант расположился в соседнем от Бройда кресле, пес смотрел на пламя, а дворецкий перевязывал руку шефу полиции. На ладони Натана тоже остался ожог от холода, несмотря на то что «Морриган» он держал рукой в перчатке.

– Эта мазь предотвратит повреждение тканей в результате обморожения, сэр, – сообщил Рейден и стал собирать лекарства и бинты в чемоданчик.

Бройд поднес к губам стакан с виски, не сводя пристального взгляда с Лонгсдейла. Тот казался матово-бледным, но и только. Мысль начальства была комиссару ясна – станет ли потенциальный убийца устраивать этот цирк, чтобы отвести от себя подозрения, и что важнее – кем надо быть, чтобы, черт подери, внушать такой страх тварям с той стороны?!

– Надеюсь, оно сегодня больше ни на кого не бросится, – пробормотал Натан.

Консультант покачал головой, не отрывая ее от спинки кресла, и тут же поморщился. Комиссар не без радости отметил, что и Лонгсдейла потрепало.

– Она вернулась в озеро, – тихо сказал консультант. – Она слишком напугана, чтобы продолжить сегодня, но ей нужно питаться, а этой ночью она осталась голодной.

Полицейские помолчали – они понимали, что это значит. А Бреннон осознавал и то, что от потусторонней гадины их защищает только старый, полуобжитый дом Лонгсдейла. И, возможно, пес.

– Интересно, серебряные пули ей хоть как-нибудь повредили? – проворчал шеф полиции.

Консультант только вздохнул:

– Ну почему сразу серебряные пули? Кто вам все это рассказывает? Какой смысл стрелять в существо, не имеющее физического облика?

– А как же оно тогда живет? – удивленно спросил Бройд.

– Вы должны испытывать страх, – вдруг сказал консультант и уставился на комиссара в упор. – Почему вы не боитесь?

– А вы почему?

Лонгсдейл нахмурился, как будто пытался вспомнить. Здоровяк поднял морду и поглядел на хозяина. Дворецкий тихо кашлянул.

– Сэр, комнаты для гостей готовы.

Бреннон вздрогнул. Он даже не заметил, как этот тип уходил и приходил, словно Рейден просачивался сквозь стены.

– Вы часто так охотитесь на всякую нечисть? – спросил Бройд.

– Это не нечисть.

– А что ж тогда?

– Нечисть – это существа иной природы, те, кто приходит с той стороны. Нечисть нельзя убить, можно лишь изгнать или заточить в какой-нибудь темнице.

– Внушает надежду, – процедил комиссар. – Мало того что жрет, так еще и не убьешь.

– А мы сейчас имеем дело с нежитью, – терпеливо продолжил консультант.

– А в чем разница?

– Ее можно убить, – пояснил Лонгсдейл, – поскольку любая нежить когда-то была человеком.

18 ноября

Бреннон читал отчеты о вскрытии. Если у первой жертвы замерзли только легкие и сердце, то над четвертой тварь потрудилась куда как основательней. Отец Тайн практически оледенел изнутри – заморожены все внутренние органы, все крупные сосуды, а кровь превратилась в стекло. Ну, по крайней мере, она так выглядела – Кеннеди заботливо приложил срезы к отчету. Оно действительно совершенствовалось – вторая и третья жертвы были заморожены куда сильнее, чем пивовар Мерфи, но не до того состояния, как священник.

«Где же предел? – Натан перелистнул страницу. – На чем эта тварь остановится? Она вообще остановится?»

Единственной частью тела отца Тайна, не пострадавшей от действий нежити, была рука, сжимавшая крест. Оледенение резко обрывалось около запястья. Сам крест оказался в круглой лакуне. Сейчас он покоился в шкатулке на столе комиссара. Лонгсдейл его обнюхал и едва ли не облизал (а может, и облизал...), но ничего не нашел. Бройд, покрутив крест так и сяк, велел вернуть его церковникам. Комиссар тоже не смог понять, что же в кресте такого особенного, и послал дежурного в собор. Натан не очень хотел возвращать попам улику, но на этом настоял Бройд. Сам шеф отбыл к мэру – внушать страх и трепет.

Комиссар пошарил в пакете с пончиками и с разочарованием понял, что они закончились. Зато оставались горка отчетов по актуальным делам и план допросов, но Бреннон решил сперва наведаться в архив, где с раннего утра засел консультант. Натан вышел из кабинета и велел промариновать в допросной парня, который по пьяни шесть раз пырнул ножом студента, а сам спустился в подвал.

Архив захватил все подвальное помещение и время от времени отъедал от верхних этажей угол-другой. Бройд несколько лет выколачивал из мэрии деньги на покупку здания рядом под архив, но пока безуспешно. Лонгсдейл засел во флигельке, изгнав оттуда архивариуса. Старичок возмущенно кипел, но исправно подносил захватчику дела. Пес обретался тут же – он разлегся огромной гусеницей от стены до стены и навалился спиной на ноги консультанта, как грелка. Комиссар едва не наступил на пышный хвост.

– Отпустили бы собаку-то, – укорил Бреннон. – Ему тут и тесно, и душно. Пусть побегает. А, Здоровяк?

Пес вяло махнул хвостом и опустил морду на лапы.

– Что ищете?

– Странное, – отозвался консультант, хмуро изучая какое-то дело. – Хотя не уверен, что найду.

– Почему?

– Оно могло не попасть в полицейские сводки. Далеко не всегда к появлению нежити приводит преступление. А о многих преступлениях никто и не догадывается.

Бреннон занял стул напротив консультанта. Перед Лонгсдейлом лежала кипа дел об исчезновениях, а под ней виднелись два-три нераскрытых убийства.

– Значит, вы уверены, что это нежить?

– Для этого я с ней и встречался, – буркнул Лонгсдейл.

Натан откинулся на спинку стула, подумал, не погладить ли Здоровяка, встретился с косым взглядом собаки и отверг эту мысль. Пси́на явно не любила нежности.

– То есть бывший человек. Вот странно. Она свободно шляется по всему городу, а трупы стаскивает непременно в озеро. Зачем? Не говоря уже о том, что на берегу Уира есть пара деревень и к нему спускается целый квартал. Зачем так далеко ходить?

– В поведении нежити всегда есть своя логика. Она ничего не делает без причины, пусть и непонятной для нас. Это существо кого-то ищет.

– Кого?

– Того, кто сделал его нежитью, – невозмутимо пожал плечами Лонгсдейл и придвинул к себе новую стопку, не замечая реакции комиссара.

– То есть эта тварь ищет здесь, в городе, своего убийцу, ошиблась уже четыре раза... или не ошиблась?! – Комиссар задумался, пытаясь представить, как в одном убийстве могли быть замешаны пивовар и священник, которые вряд ли знали друг друга, двое неустановленных лиц и еще кто-то, пока неизвестный.

– Она еще не нашла или нашла не всех, – продолжал Лонгсдейл. – Человек, обратившийся в нежить, всегда сначала приходит за тем или теми, кто способствовал обращению, а потом за своей семьей. Впрочем, иногда это одни и те же люди.

– Отлично, – тяжело вздохнул Бреннон. – Теперь нам нужно найти человека, который сделал с кем-то неизвестным что-то неизвестное, причем неизвестно где. И найти его надо до того, как его разыщет тварь из озера. Вы не облегчаете мне жизнь.

– Я над этим работаю. – Лонгсдейл похлопал по папкам. – Но пока ничего. Кроме того, Рейден еще не закончил подготовку в лаборатории... – Он вдруг замолчал и уставился на Бреннона.

– Я должен был вас проверить. Вы консультируете полицию. Таковы правила.

– Надеюсь, – с некоторым волнением спросил Лонгсдейл, – он ничего вам не сделал?

Бреннон фыркнул. Он не сомневался, что скрутил бы дворецкого в узел, буде тот вздумал бы броситься и укусить, но... Черт побери!

– Он гипнотизер? – спросил Натан, припомнив наконец нужное словечко.

Здоровяк поднял морду и смерил комиссара долгим насмешливым взглядом.

– Я ему запрещаю практиковаться на вас, – покраснев, пообещал Лонгсдейл. – Простите. Мне следовало раньше...

«Значит, не померещилось», – подумал Бреннон. Парень действительно его загипнотизировал. Слава богу, старческие провалы в памяти еще не начались. Но зачем Рейдену так защищать хозяина? Или дворецкий опасается за собственные темные делишки?

– Давно он у вас?

– Кто?

– Рейден. Он сказал, пять лет. Верно?

– Может быть, – рассеянно отозвался Лонгсдейл, достал маленькую лупу из чехла и принялся изучать какую-то улику, прикрепленную к делу.

– Вы ему доверяете?

– Кому?

Бреннон взял паузу, чтобы подышать. Он всегда считал себя терпеливым человеком, но Лонгсдейл мог за считанные минуты довести до припадков даже святого. К счастью, в дверь постучали, и в комнатку сунулся дежурный:

– Сэр, вы заняты? Мистер Бройд вас ждет.

– В чем дело?

– Опустили вторую жертву.

– Кит Маккарти. – Бреннон положил на стол шефа папку. – Одиноким стариком шестидесяти восьми лет. Ранее был врачом. Сдавал дом на Корнахт-стрит. Его хватились жильцы, семья судебного пристава Эллиота Хьюза. Когда Маккарти не явился за квартплатой, они забеспокоились, стали искать его родичей и в конце концов заявили в полицию.

– Корнахт-стрит... что эта тварь делала так далеко от озера?

– Питалась, – мягко сказал Лонгсдейл. Шеф полиции метнул в него грозный взор.

– Как вчера?

– Это было очень глупо, – признал консультант. – С вашей стороны.

Бройд побагровел. Бреннон кашлянул, но Лонгсдейл презрел намеки:

– Мне пришлось охранять вас, вместо того чтобы преследовать нежить, а заодно следить, чтобы вы не вышли из дома.

– По-вашему, мы малые дети?! – громыхнул Бройд.

– Вы думаете, она бы вернулась нас добить? – спросил Натан, стремясь разрядить обстановку.

– Нет. Вряд ли.

– Тогда какого черта!..

– А почему вы считаете, – меланхолично осведомился консультант, – что это единственная нежить в городе?

Бройд шлепнулся в кресло, как мешок с картошкой.

– Так их что, много?!

– Нет, именно эта – одна. Но есть множество других существ, нуждающихся в жизненной силе, крови или плоти.

Шеф полиции ослабил галстук и пробормотал:

– Понятия не имею, что меня больше шокирует. Наверное, мысль о том, что для кого-то весь город – это сервированный к обеду стол.

Он нашарил в ящике флягу с виски, стаканчик и налил. Пока начальство вкушало одно-солдовый нектар, Бреннон вернулся к тому, что его занимало:

– Почему оно стаскивает тела к озеру? Вы говорили, оно питается жизненной силой человека. Ну, допустим, оно поело, зачем уносить труп с собой?

Лонгсдейл на миг задумался, почесывая загривок пса.

– Может быть, оно собирает их как трофеи. Хотя, скорее всего, таким образом тварь освежает свою память. Все тела были заморожены в лед лицом вниз, так что она могла смотреть на них.

Бреннон нахмурился.

– То есть мало того что эта ваша нежить жрет людей, она еще и любит на тех, кого съела?

Бройд поперхнулся виски. Пес с интересом обнюхал пролитый на пол напиток богов.

– Боже мой, – прошептал комиссар, потрясенный своим же озарением, – она же ищет того, кто превратил ее в нежить! Это не трофеи. Она пытается его вспомнить.

Бреннон разложил на столе карту и сердито втыкал в нее цветные булавки. Лонгсдейл без интереса следил за этими действиями, и комиссара не покидало ощущение, что консультант наблюдает за ним, как нянька за слабоумным ребенком. Пес положил морду на стол и тоже смотрел, и к животному Натан испытывал больше симпатии.

Картина не складывалась. Синие булавки обозначали места, где нашли тела, – полукругом на озере Уир, в двенадцати-шестнадцати ярдах от берега. Красные булавки указывали на места, где жертвы жили. Зеленые комиссар по памяти воткнул туда, где встретил нежить. Итог не утешал.

– Оно шляется по всему городу, – мрачно сообщил Бреннон псу. – Без всякой системы. Мерфи, Маккарти и отец Тайн принадлежали к разным кругам общества и едва ли могли пересечься где-то, кроме собора. Но по ночам там мог ошиваться разве что поп, так что...

– Вы отыскиали Библию? – спросил консультант.

Раздражение Натана ослабло. Иногда Лонгсдейл был способен и к разумным вещам.

– Пока нет. Но я отправил на поиски всех, кого мог. Наша единственная зацепка – это место, где кто-то подобрал Библию. Там оно и напало. Возможно, тогда нам удастся выяснить, где же жертвы могли пересечься. Найти отправную точку.

Лонгсдейл промолчал. Склонил голову набок и принялся бессистемно водить пальцем по карте. Здоровяк следил за его движением с нарастающим интересом.

– Какой путь проходит ребенок от рождения до смерти? – спросил консультант.

Бреннон чуть не приколол палец булавкой к собору.

– Что вы порете?

Пес поднял морду и уставился в лицо Лонгсдейла.

– Рождение, – меланхолично продолжал тот, – где-нибудь в подвале, с помощью пьяной повитухи. Крещение – тайком, под осуждающим взглядом священника. И смерть – чаще всего в ближайшей реке. Или озере.

Натан тяжело оперся кулаками о карту. Следы на снегу принадлежали ребенку.

– Разве дети не рождаются безгрешными?

– Дело в смерти, а не в безгрешности.

Натан прочертил извилистый путь по красным булавкам. Смерть в озере – крещение в соборе – место рождения? Допустим, отец Тайн крестил ребенка, а Маккарти мог иметь какое-то отношение к родам как бывший врач. Но при чем тут пивовар Мерфи? Ребенок родился в его доме? Зачат там?

– Кто же тогда четвертый? – спохватился Натан. – Отец ребенка? Или это Мерфи?

Консультант покачал головой.

– Нет, – пробормотал Бреннон. – Но тогда кто?

– Четвертый – аптекарь. – Лонгсдейл взял газету, зашуршал страницами и сунул объявления под нос комиссару. – Аптекари нелегально смешивают средства для абортов. Продаются под видом «облегчающих микстур».

Комиссар стукнул кулаком по столу и сорвал с кресла сюртук.

– Финнел!

Дежурный галопом пронесся по коридору.

– Сэр?!

– Я – в дом Маккарти. Найди среди пропавших всех фармацевтов, аптекарей и их помощников. Пусть Риган сличит описания с нашей последней неопознанной жертвой. И досье на Маккарти ко мне, все, что найдете. Живо!

– Думаете, она замешана? – тихо спросил консультант.

Бреннон покачал головой.

– Не уверен. Но нелегальные аборты – это всегда крики, кровь и... отходы, – глуше добавил комиссар.

Ему доводилось брать с полочным тех, кто делал подпольные аборты, – и это были те редкие воспоминания, от которых Натан иногда просыпался в холодном поту.

– Аборт – это штука, которую сложно сделать незаметно. По меньшей мере, женщина будет кричать.

Лонгсдейл изучающе оглядел миссис Хьюз. Забившись в угол, она судорожно прижимала к себе детей; правда, на всю ораву ее рук не хватило, только на двоих. Остальные семеро сбились в кучку за спиной матери. Худая, замученная жизнью женщина, отметил комиссар. Она часто смаргивала слезы, губы у нее слабо дрожали; еще немного дожать и...

– Тут не аборт, что-то другое, – прошептал консультант. – Нет следов.

– Чего?

– Запаха.

– Кровь давно смыли.

– Не кровь. Такие места пахнут смертью.

– А тут вам не пахнет, – буркнул Бреннон и покосился на Здоровяка.

Пес, едва переступив порог дома, принял деятельное участие в обыске – уткнул нос в пол и стал вынюхивать. Полицейские почтительно не мешали. Собака методично обошла комнату и остановилась перед миссис Хьюз. Женщина сильнее прижала к себе детей. Здоровяк понюхал пол у ее ног и потянулся носом к подолу.

– Уберите его! – взвизгнула миссис Хьюз.

– В чем дело? – поинтересовался Бреннон. – Боятесь собачек? Или пол недотерли после аборта?

– Господи, о чем вы говорите?!

– Мы проведем опрос соседей. Они-то расскажут, как часто сюда приходили незнакомые женщины. И уж не сомневайтесь, все ужасы распишут в красках.

– Боже мой, да какие женщины? Какие ужасы? О чем вы?!

На щеках женщины проступили красные пятна. Один из младших детей зашмыгал носом и заревел.

– О воплях, – невозмутимо продолжал комиссар, не сводя с нее тяжелого взгляда. – Об окровавленных тряпках. Об отходах, в конце концов. Где вы их закапывали, кстати?

Миссис Хьюз побелела и привалилась к стене: ноги уже ее не держали.

– Н-неправда, – пролепетала она.

– Сэр, – в комнату заглянул полицейский, – прислали досье на Маккарти.

Комиссар взял неожиданно увесистую папку, и она раскрылась сама там, где была вложена еще одна папка, потоньше. Бреннон прочел название и поднял глаза на супругу пристава Хьюза.

– Ваш домовладелец, мэм, двадцать восемь лет проработал врачом в муниципальной больнице для бедных. Думаю, он знал, с какой стороны засовывать щипцы.

Лонгсдейл выхватил у комиссара папку и принялся быстро листать. Миссис Хьюз всхлипнула, закрыла лицо передником и залилась слезами.

– Послушайте, – зашипел консультант, – здесь дело не в этом!

– А в чем?

– У нее самой девять детей! Она не стала бы делать аборты другим!

– Еще как стала бы. Чужие – это не свои. С год назад мы повесили одну дамочку, у которой было шестеро своих чад, однако при этом она восемь лет вычищала нежелательных детей.

– Но сами подумайте – жил бы Маккарти в одном доме с девятью детьми, если бы так их ненавидел? Его комнаты на втором этаже...

– Дело не в ненависти, – Бреннон забрал папку, – а в наживе. Сколько они вам платили, миссис Хьюз?

Плач женщины перешел в судорожные рыдания.

– Забирайте, – кивнул полицейским Бреннон. – И позовите кого-нибудь из соседок, пусть присмотрят за ее выводком, пока супруг не вернется.

– Не-е-е-ет! – взвыла миссис Хьюз. – Нет, ради бога! Я расскажу, только, пожалуйста... Мои дети! Ох, боже, боже!..

– Я же говорю, чужих не жалко, – пожал плечами комиссар. – Только своих. И то не всегда. Отведите ее в какую-нибудь комнату и присматривайте, чтоб не сбежала.

Лонгсдейл сжал губы. Пес проследил за полицейскими, которые не столько вывели, сколько выволокли миссис Хьюз в соседнюю комнату.

– Вы что? – тихо спросил консультант. – Зачем вы так? Она никого не убивала.

– Вы идиот или у вас память как у золотой рыбки? – процедил Бреннон. – Вы же сами сказали, что прошлой ночью тварь осталась голодной, а значит, сегодня после заката она снова выйдет на охоту. И у нас всего восемь с чем-то часов, чтобы узнать, на кого она бросится в этот раз. У меня нет времени на сантименты и уговоры.

Соседней комнатой оказалась крохотная столовая. Миссис Хьюз сидела за столом, на самом краешке стула, комкала передник и шмыгала носом. Кто-то из полицейских пожертвовал ей свой носовой платок. Бреннон с громким хлопком бросил на стол папку, и жена приставы подскочила на стуле, будто ужаленная.

– Ну? – сухо спросил комиссар, нависая над ней. Он уперся одной рукой в спинку стула, другой – в стол, и женщина испуганно сжалась в комочек, отодвинулась от него как можно дальше.

– Я... я ее не знала... – пролепетала она и облизнула губы. – Мистер Маккарти привел ее к нам зимой, с улицы... Хотя она была не уличная, нет! Ну... Не из этих, падших... Наверное. – Миссис Хьюз сглотнула. – Она была в таком сером платье, очень скромном, и старом пальто, и шали. Мистер Маккарти сказал, что у нее отошли воды прямо на улице... Я... я не знаю, зачем он ее привел... Зачем он ее привел! – с остервенением выкрикнула она.

– Она родила? – спросил комиссар.

Миссис Хьюз кивнула и утерла глаза.

– Да. Мальчика. Я помогала. Мистер Маккарти сказал, что нужна акушерка, и велел мне...

– Что с ними стало?

– Я не знаю. Следующим утром ее уже не было. Мистер Маккарти оббегал все соседние улицы, расспрашивал соседей, съездил во все приюты, о которых знал, спрашивал в больницах...

– Трогательная забота. Может, это был его ребенок? Или его родственница?

Миссис Хьюз вспыхнула:

– Как вы можете?! Мистер Маккарти никогда бы не опустился до подобного! Он всегда был таким... таким... О господи, господи!

– Как она выглядела?

Жена пристава отвлеклась от начинающихся рыданий, поразмыслила и сказала:

– Высокая, светловолосая, с голубыми глазами. Очень молодая, но не наша, иностранка. Симпатичная, – не без зависти добавила она.

– Сможете описать ее внешность художнику?

– Э... д-да, – удивленно ответила миссис Хьюз.

– Отлично. Келли, пришли сюда Эдди. Пусть займется. Заодно прошурши все заявления о пропавших женщинах, может, среди них найдется какое-нибудь от мистера Маккарти. Ищи все, что было, за период... Гм... Когда он ее привел?

– Да разве я помню... Может, двадцать пятого... Или двадцать шестого октября...

– Ладно, Келли, ищи начиная с двадцатого.

– Дата важна, – неожиданно раздалось из-за спины комиссара. Бреннон обернулся. Лонгсдейл подпирал стену у двери. Пес сидел у его ног, а глаза консультанта мерцали в полумраке, как бледно-голубые огоньки. – Мне нужно знать точный день.

– Зачем?

Лонгсдейл подошел, доверительно склонился к миссис Хьюз и уставился ей в глаза.

– Помните, – мягко шепнул он, – какой был день? Что вы делали с утра?

– Какого черта вы делаете? – недовольно спросил комиссар.

Его проигнорировали. Даже пес.

– День? – растерянно прошептала женщина, завороченно глядя в голубые глаза консультанта. – Какой день? Обычный...

Она как-то странно замерла на стуле, боком, словно хотела встать, но забыла зачем.

– День, Нэнси, – повторил консультант и осторожно взял ее за руку. – Вздохните и вспомните день. Вы все помните, только вздохните.

Миссис Хьюз откинулась на спинку стула, глубоко вздохнула и обмякла, как кукла. Ее стекленеющий взгляд остановился на лице Лонгсдейла.

– День... – невнятно пробормотала она.

– Он начался, – шепнул консультант.

– До света, – покорно отвечала женщина. – Мы встали, я и дочери, растопили камин, разогрели воду... Чайник лопнул, и я полезла в кладовку... Муж спустился, Дженни пошла растолкать мальчишек...

– Вы завтракали?

– Как обычно, – прошептала миссис Хьюз, – Дэнни уронил хлеб, Мейси чуть не опрокинула кипяток, Сэмми и Джон опять дрались...

– Можно побыстрее? – сквозь зубы спросил комиссар.

– Муж ушел на службу, – бормотала жена пристава, – и повел мальчиков в школу по дороге... Господи, зачем им школа, как будто... как будто... – Лонгсдейл сжал ее руку; она замолчала и наморщила лоб. – А мне нужна вода для стирки. Он забыл ее натаскать, и мы опять с ведрами... В этот собачий холод...

– Вы стирали? – мягко спросил Лонгсдейл.

– Как всегда, в последний понедельник месяца...

Консультант выпустил ее руку и повернулся к комиссару. Миссис Хьюз чуть не свалилась со стула – полицейский едва успел ее поймать.

– Последний понедельник октября, – сказал Лонгсдейл. – Двадцать шестое число.

– Хорошо, – недовольно буркнул комиссар. – Келли, с двадцать шестого октября. Кто-то же должен был искать пропавшую молодую женщину.

– Да, сэр.

– Ну так не стой столбом!

Полицейский выскочил из столовой, на ходу осенив себя крестом, когда пробежал мимо Лонгсдейла. Пес презрительно фыркнул.

– Она прикасалась к ребенку, и на ней была кровь матери, – сказал консультант Бреннону.

– Вот почему ваш пес учуял... Ладно. Хотя какая разница, двадцать шестое или тридцатое. Это уже непринципиально.

– Она родила двадцать шестого, а значит, могла утопить его двадцать восьмого. – Лонгсдейл угрюмо взглянул на комиссара. – Три дня до Самайна.

Бреннон побарабанил пальцами по папке.

– Итак, Маккарти не имеет отношения ни к абортам, ни к зачатию ребенка.

– Ну, она могла сначала обратиться к нему за abortивным средством...

– Доктор не дал бы ей такого, судя по отзывам его начальства и пациентов. Он двадцать восемь лет работал врачом в муниципальной больнице для бедных. В муниципальной больнице! Вы хоть знаете, что это значит?

– Нет.

– Там лечат нищих, бродяг и малоимущих. А ведь Маккарти после окончания университета получил приглашения в самые лучшие больницы. Вот они, все здесь – он хранил их у себя, на память, наверное. Но так и не ушел.

– Да, – сказал Лонгсдейл, разглядывая портрет девушки, который художник набросал со слов миссис Хьюз.

– Шесть лет назад наш доктор перенес тяжелую ангину и больше не мог практиковать. Незадолго до этого он получил небольшое наследство, купил дом и стал его сдавать. Соседи на него молились – не каждый наскребет денег на врача, а он никому не отказывал в совете. Так что он как раз способен броситься на помощь одинокой женщине, даже если увидит ее первый

раз в жизни. Чего не скажешь о нашей жертве номер три. – Натан взял со стола листок бумаги и помахал. – Это наша последняя на данный момент жертва.

Лонгсдейл оторвался от изучения портрета.

– Уверены?

– Аптекарь. Джонас Кавана. Его опознали мать и брат. Риган продолжает обыскивать его аптеку. В тайнике под полом кладовки уже нашли гору средств для абортов.

Лонгсдейл рассеянно кивнул и отвернулся.

– Я не могу понять только одного. Ну ладно, Колин Мерфи – случайная жертва, тварь была голодна и сожрала первого встречного. Ладно Кавана – он продал матери abortивное средство, хоть оно и не подействовало. Но почему отец Тайн и Маккарти? Они были хорошими людьми... Неплохими, по крайней мере. Так какой смысл...

– Перечитали рождественских сказок? – вдруг процедил Лонгсдейл.

Бреннон аж вздрогнул. Консультант швырнул портрет девушки на стол и отвернулся к окну. Комиссар смотрел на хищный профиль на фоне темнеющего неба и поймал себя на том, что впервые видит консультанта раздраженным.

– Хорошие люди, плохие люди – какая к черту разница?

– Ну, если бы речь шла об обычном убийце, я бы с вами согласился. Но это же дух.

Лонгсдейл фыркнул:

– Вы что, всерьез считаете, будто неуспокоенная душа невинного крохи пойдет мстить старым грешникам, которые довели дитя до могилы?

– Ну...

– Ну так выбросите этот бред из головы. – Лонгсдейл резко обернулся, и Натан не узнал его лица. – Этой твари плевать на плохих и хороших. Она ищет себе добычу, и первыми стали те, кого она помнит. Они всегда так делают. Это последний шаг от человека к нежити.

Бреннон не узнал консультанта. Его голос стал глуше, ниже и насмешливей; его взгляд, полный издевки и гнева, его осанка, даже скривленная влево усмешка...

«Другой», – подумал Натан. Пес не сводил с комиссара глаз.

– О да, – прошипел Лонгсдейл, – и добрый священник, и славный доктор – и множество других людей, до которых тварь доберется, когда убьет всех, кого знала. Нет доброй нежити, карающей злодеев. Есть твари, выползающие с той стороны кошмаров, и только.

– Так оно не остановится? – спросил Бреннон.

А он-то думал... он-то надеялся... Втайне у него была постыдная надежда, что, убив всех, кого знала, эта гадина утихомирится.

– Нет, – усмехнулся консультант, и угол его рта снова приподнялся в кривой улыбке. – Его сила будет расти и требовать новой пищи.

– Кто вы такой?

Он смотрел на комиссара исподлобья, как волк, недобро блестящими глазами, а потом вдруг привалился плечом к оконному откосу, словно внезапно обессилел. В полутьме комиссар заметил слабую дрожь, которая пробежала по телу консультанта. Он вдруг сполз вниз по стене, и пес сунулся ему под руку. Лонгсдейл оперся обеими руками на холку собаки.

– Теперь я знаю, кто это, – прошептал он-прежний.

«Даже голос, – подумал комиссар. – Но с чего он вдруг так переменялся? Что за человек, черт возьми, только что тут был?!»

– И кто же?

– Утбурд, – пробормотал консультант.

– Что это? – озадачился комиссар.

Он выдвинул ящик, нашарил припрятанную в бумагах фляжку с виски, плеснул в рюмку и протянул ее Лонгсдейлу. Тот взял и рассеянно понюхал. Рюмка немного плясала в его руке.

– Нежить. Он появляется, если мать убивает своего младенца или оставляет его умирать. Утбурды сильны, опасны и чем старше, тем сильнее. Правда, я не думал, что они появляются так далеко на юге. Я встречал их в Стернборне.

– Что он будет делать?

– Утбурды всегда стараются добраться до своей матери, а потом принимаются за всех остальных. Одна такая тварь может выкосить небольшой город. Наш еще относительно слаб, а потому его надо прикончить сейчас, пока мне это по силам.

«Мне», – подумал Бреннон. Ему и его псу. Собака, услышав последние слова, подняла морду и блеснула угольками глаз.

– Но он же крещеный, разве...

Лонгсдейл покачал головой:

– Крещение помогает уберечь душу от той стороны, а не от материнского проклятия. Именно так появляется утбурд – не просто брошенный, а убитый в порыве ненависти или отчаяния.

Бреннон придвинул к себе портрет, который нарисовал художник со слов миссис Хьюз. Симпатичная белокурая девушка лет девятнадцати-двадцати. Такая славная на вид, такая милая... Кто же она? И почему совершила жестокость?

19 ноября

Пятый труп нашли утром. Комиссар мрачно стоял над телом, чувствуя себя до тошноты бессильным. Они уже узнали так много, но не смогли понять – кто следующий. Консультант, бледный, всклокоченный, с синими тенями вокруг глаз и густой черной щетиной, уже мало чем отличался от Бреннона и его полисменов, которые всю ночь прочесывали Блэкуит в поисках возможной жертвы. Ну вот под утро и отыскали...

Лонгсдейл присел на корточки и провел ладонями по слою льда, под которым виднелось тело. Пес методично обнюхивал труп. Бреннон наклонился ниже.

– На вид костюм из дорогих. Наверняка от портного, не из лавки готового платья. Рука деформирована. Смахивает на перелом при падении.

– Заморожен часа три назад, – заметил консультант.

Пес пофыркал на тело и ткнул комиссара лапой. Натан опустился на колено, чтобы взглянуть находку Здравяка.

– Гляньте-ка!

Лонгсдейл придвинулся к комиссару.

– Что это такое?

Усопший лежал лицом вниз, как и прочие жертвы. Однако из-под живота змеей высовывалась оборванная алая лента, на которой что-то блестело. Бреннон склонил голову набок.

– Похоже на медаль или какой-то клубный значок. Кто это, по-вашему?

– Отец ребенка, – сказал Лонгсдейл.

Натан поднялся и отошел от тела. Дыхание вырывалось сквозь зубы облачками пара. Ему удалось справиться с приступом гнева как раз тогда, когда консультант осторожно коснулся его плеча.

– Ну? – процедил Бреннон.

– Простите, – тихо ответил консультант. – Я его упустил.

Натан смерил его тяжелым взглядом. Вид ему не понравился.

– Валите домой. Выспитесь, поешьте, примите ванну. Все равно, пока мы не выпилим тело, вам тут делать нечего.

– Нет, я в порядке, я смогу...

– Угу. Прямо настоящий упырь, ничем не хуже этого... утбурда. Чем вы, черт возьми, занимались всю ночь?

– Выслеживал. – Лонгсдейл потер лицо руками и невнятно пробормотал из-под них: – Он знает, от кого надо прятаться.

Пес утешительно потыкался мордой ему в колено, и консультант машинально потрепал животное по загривку. Бреннон еще раз изучил открывшееся ему лицо Лонгсдейла и жестом подозвал полицейского:

– Коннел, загрузи этого жентмуна в экипаж и отправь по месту доставки. Дом восемьдесят шесть, Роксвилл-стрит. Дворецкому передай, чтоб не выпускал его из-под надзора, пока не отоспится.

– Слушаюсь, сэр! Прошу за мной, сэр.

Лонгсдейл невесело улыбнулся.

– Позовите, когда нужно будет его разморозить.

– Угу...

Пес затрусил к экипажу, и консультант двинулся следом. Бреннон достал из кармана лупу и снова опустился около трупа на корточки.

Комиссар вышел из департамента, уткнувшись в отчеты своих детективов. Тщательнее всех пришлось работать Галлахеру, но в итоге Бреннон получил расписанный почти по минутам последний день отца Тайна с указанием, какие свидетели давали показания. Самое пристальное внимание Натана привлекла отметка: «Около часу дня. Беседовал с женщиной. По предположению м-ра Хейза, это была молодая мать – в руках у нее был сверток, похожий на запеленатого ребенка. Потом м-ра Хейза позвали в ризницу. Вернувшись, не обнаружил ни о. Т., ни женщины». Бреннон нырнул в кафе миссис ван Аллен, заказал обед и тут же на столе набросал карандашом распоряжение – найти и допросить мистера Хейза насчет этой особы.

«Не женщина, а какой-то призрак, черт ее возьми!» – мрачно думал Бреннон. Они уже могли описать все ее передвижения от родов до утопления младенца, но даже на шаг не приблизились к ее личности. Кстати...

– Вот, – Натан сунул парню, который принес поднос, портрет незнакомки, – видал такую?

– Нет, сэр.

– Так покажи всем остальным и хозяйке тоже. Если кто заметит ее хоть краем глаза – пусть сообщит.

– Да, сэр.

Натан впился в мягкую булку с тмином и придвинул к себе отчет Двайера. Все как один жители квартала, где обитала семья Мерфи, в ту ночь почувствовали страх, тревогу или тоску, а кое-кто слышал и звон. Но никому не пришло в голову идти на зов.

«Пивовар оказался самым восприимчивым, – подумал Натан, – или же тварь звала именно его. Но зачем? Вот вопрос...»

Со всеми жертвами, кроме Мерфи, утбурд успел встретиться при жизни. Либо пивовар стал случайной жертвой, либо они чего-то о нем не знают. Либо – тут Бреннон хмыкнул – женушка и впрямь спровадила осточертевшего супруга на мороз, а там удачно повернулся утбурд.

Сестра отца Тайна подтвердила, что у ее брата была старая Библия, которую он бережно хранил, поскольку привез из паломничества, однако разыскать книгу Ригану пока не удалось.

«Странно, крест оказался просто не заморожен, а Библию утбурд отшвырнул. – Бреннон перешел к рагу с крольчатинной. – Надо спросить у Лонгсдейла, в чем тут разница».

Изыскания в архивах Натан прекратил. Ему уже было ясно, что это делу не поможет: никто не подавал заявления об исчезновении беременной белокурой женщины. Маккарти тоже в полицию не обращался.

«Разве что пятая жертва куда выведет...»

Бреннон положил деньги на стол, собрал документы и накинул пальто. Он собирался к Лонгсдейлу, прояснить вопрос-другой. А заодно мимоходом поинтересоваться (не то чтобы комиссар верил в эту хрень), нельзя ли разыскать эту женщину каким-нибудь способом вроде тех, которыми пользуются фейри из холмов.

«Посмотреть в волшебное зеркало, – издеваясь над собой, думал Бреннон. – Допросить зверей земных, птиц небесных и ползучих гадов. Тьфу!»

Мелодичный оклик застал его уже у двери:

– Мистер Бреннон!

Вдова ван Аллен держала портрет незнакомки, но Натан зря обрадовался.

– Мне жаль, но я не помню эту девушку. Если вы не против, я оставлю рисунок у себя и покажу детям.

– Конечно. Благодарю, мэ.

– Еще один? – тихо спросила вдова, когда подошла поближе.

Комиссар кивнул.

– Вы все еще не хотите уехать?

– Нет. Нам некуда, а кроме того, пока что все жертвы были мужчинами средних лет и старше. Разве это не значит, что женщины и дети преступнику неинтересны?

Бреннон удивленно поднял брови:

– Ого, да вы эксперт! Откуда вы знаете?

Миссис ван Аллен невесело улыбнулась:

– Мой муж был адвокатом по уголовным делам в Меерзанде.

– Но ведь это нежить. Разве вы не боитесь?

Улыбка вдовы погасла.

– Я видела вещи страшнее.

Бреннон не нашелся с ответом. Тысячи католических семей из Меерзанда бежали от религиозных гонений, которые комиссар искренне считал пережитком дикого средневековья или уделом варваров вроде мазандранцев. Пятнадцать лет назад в гавани стали десятками приходить корабли из Меерзандских Штатов. Натан даже не представлял, что же там должно было твориться, если люди предпочли остаться в стране, еще лежащей в руинах после революции и войны за независимость. Многие потом перебрались за океан, но немало осталось. Некоторые даже стали отказываться от частицы «ван».

– Что вы будете делать? – спросила миссис ван Аллен. – Вы знаете, почему он убивает именно этих людей?

Бреннон сунул отчеты за пазуху.

– Я проконсультируюсь со специалистом. А вы, мэм, не выходите из дома ночью.

Лонгсдейл выглядел гораздо лучше. По крайней мере, он уже не напоминал неуспокоенного мертвеца и довольно приветливо предложил комиссару кофе с булочкой.

– Что думаете об этом? – Натан сунул ему отчет Галлахера. – Это она?

– Вполне возможно, – кивнул консультант.

Пес устроил морду у него на колене и вопросительно заглянул в лицо. Лонгсдейл положил ладонь ему на голову, и у комиссара возникло стойкое чувство, что эти двое обмениваются какими-то сведениями. Хотя вообще Натан думал, что друг человека канючит булочку.

– Эй, Здоровяк, на. – Он протянул псу сдобу, но тот смерил Бреннона таким холодным взглядом, словно был пастором, осуждающим грехи человечества, включая чревоугодие.

– Вы будете допрашивать Хейза?

– Да, как только Галлахер отыщет его в соборе. Но к вам у меня пара других вопросов.

Бреннон вытянул ноги к камину и умиротворенно подумал, что консультант неплохо устроился. Дом, конечно, старый и мрачный, но зато камин в нем большой, а стены и окна надежно утеплены.

– Во-первых, крест и Библия. Почему Библия напугала утбурда, а крест – нет?

– Гм-м-м... Насколько вы сведущи в теологии?

– Чего?

Пес фыркнул. На лице дворецкого, который накрывал столик с чаем, мелькнуло крайне ехидное выражение.

– Я атеист, – буркнул Бреннон.

– Суть в том, что крест – не более чем ювелирное украшение. Он не обладает должной силой сам по себе.

– Но ведь он не замерз.

– Да. Потому что его держал в руке достойный человек, полный искренней веры. Но этого мало, чтобы отбиться от такой нежити, как утбурд. Библия же хранила в себе не только реликвию, но и частицу веры, которую в нее вкладывали многие поколения.

– И вы хотите сказать, что это работает?

Лонгсдейл побарабанил пальцами по подлокотнику.

– Скажу так – в деревнях, где есть действующий храм и активный священник, нежити всегда в разы меньше.

– Активный?

– Я имею в виду тех, что действительно занимается делом, а не просто пьет в ризнице.

Бреннон на миг задумался, каким же, по мнению Лонгсдейла, делом должны заниматься священники. К толстому патеру, который научил его читать по складам и кое-как писать, Натан особого почтения не питал, хотя отец Грег мог на спор перебить самых крепких мужиков в деревне и потому пользовался глубоким уважением.

– То есть нежить тоже в это верит?

– Нежить и нечисть подчиняются определенным законам, и для этих существ нематериальное чаще важнее материального. Потому что их собственная плоть – вещь довольно условная. А вот дух...

– Хорошо, хорошо! – торопливо вклинился Бреннон, утративший нить беседы. – Вернемся к Мерфи. Все соседи слышали звон и зов, но почему-то вылез только он. Думаете, это случайность?

– Алкоголики чувствительнее к эманациям...

– К чему?

Лонгсдейл задумчиво потер подбородок.

– Хотя, может, и не случайность... Мы уже не узнаем, да и зачем?

Бреннон изо всех сил фыркнул:

– Зачем? А как нам, по-вашему, найти эту девку? Мы о ней знаем только то, что она блондинка. Вам этого достаточно?

– Если бы мне удалось добыть кусок плоти утбурда...

– Но вам не удалось. – Бреннон с неохотой вылез из кресла. – Так что будем искать путем простого перебора вариантов. Вы в форме?

– Простите?

– Нам нужно разморозить еще один труп.

– Ах да, – встрепенулся консультант. – Конечно! Пойдемте.

«Похоже, – кисло подумал Натан, – общение с трупами составляет главную радость в жизни этого типа». Даже Кеннеди не испытывал такой сильной привязанности к столу для аутопсии.

– К вам племянница, сэр, – шепотом сообщил комиссару дежурный.

Бреннон вздрогнул, торопливо извинился перед Лонгсдейлом и поспешил к кабинету. Пес, поколебавшись, последовал за комиссаром.

– Маргарет! Что случилось? Дома все в порядке?

Вопросы вырвались сами, едва комиссар захлопнул дверь, машинально пропустив собаку внутрь.

– О, мистер пес! – обрадовалась племянница и запустила обе руки в густую рыжую гриву. Натан перевел дух – случись что, она не казалась бы такой беззаботной.

– Ты что тут делаешь?

– Мама просила передать, цитирую: «О чем ты себе думаешь?! День независимости на носу, а ты так и не явился к чаю, чтобы обсудить все!»

– Все? – дрогнувшим голосом спросил Бреннон. – Надеюсь, не праздничные мероприятия?

– Именно их.

– Господи, Пегги, у меня нет времени. Расследование идет полным ходом и...

– Ну пригласи на чай своего консультанта. – Маргарет наморщила носик. – Обсудите потихоньку ваших убийц и воров, пока мама будет рубиться в жаркой схватке с тетями и другими дядями.

Замужняя половина семьи относилась к Бреннону снисходительно («Не стоит говорить Натану, он холостяк и все равно ничего не поймет»), но совместную встречу Дня и Рождества соблюдала неукоснительно.

– Я не думаю, что мы можем приглашать к твоей маме мистера Лонгсдейла...

– Почему? У нас отличные чесночные гренки. И чесночный соус. Да и десяток головок чеснока в кладовой найдется.

– При чем тут чеснок?

– При том! Я уверена, что твой консультант – вампир, – заявила мисс Шеридан.

На морде пса отразилось бесконечное изумление.

– Кто? – тупо спросил Бреннон; как это часто бывало в разговорах с Маргарет, он ощущал себя древним старцем, который отстал от паровоза жизни лет тридцать назад.

– Дядя, ты что, совсем книг не читаешь? Роман «Граф Вампир», его же все прочли! Я уверена, что твой консультант спит в гробу, не отражается в зеркалах и по ночам пьет кровь!

– В гробу?

– Да ты посмотри на него! Вылитый вампир!

– Но почему в гробу-то?..

– Во-первых, настоящие джентльмены так себя не ведут! Во-вторых, он ужасно бледный, и в-третьих, у него черные волосы. Да, мистер пес?

– Уф-ф-ф, – потрясенно отозвался Здоровяк.

Бреннон провел рукой по лбу.

– Во-первых, он спит в кровати, я сам видел. Во-вторых, разумеется, он отражается в зеркалах, иначе как бы он брился? В-третьих... при чем тут вообще чеснок?!

– Это яд для вампиров, – охотно пояснила племянница. – Вот я и думаю, если дать ему чесночный гренок, мы сразу узнаем...

Пред мысленным взором Бреннона предстала яркая картина: он предъявляет шефу труп Лонгсдейла со следами мучительной смерти и чесночный гренок. Судя по морде пса, тот тоже был поражен до глубины своей собачьей души.

– Вы ошибаетесь, мисс, – мягко раздалось у двери.

Натан обернулся, краем глаза заметив, как вспыхнула племянница – залилась румянцем от шеи до корней волос. Лонгсдейл задумчиво созерцал девушку.

– Для вампиров вредны не плоды чеснока, а цветы и их аромат.

– А если разжевать головку и метко плюнуть? – задиристо спросила мисс Шеридан. – У него будет ожог? Ведь будет?

– Нет, – отвечал Лонгсдейл. – Хотя вампиры очень чистоплотны, и пока он будет чистить сюртук, вы успеете отбежать подальше.

– Но они ведь спят в гробах?

– Редко. В гробах спят вурдалаки.

Глаза девушки восторженно округлились.

– Это которые едят людей?

– Нет, мисс, людей едят упыри. Вурдалаки употребляют кровь.

– Маргарет, тебе пора, – твердо вмешался Бреннон, пока консультант не поведал юной мисс о степенях разложения трупа. Комиссар был уверен, что будущей жене и матери эти знания ни к чему.

– Но почему? Я нигде не читала про упырей и вурдалаков. Скажите, а если проткнуть их осиновым колом, отрезать голову и набить рот чесноком...

– Маргарет! – поперхнулся комиссар. – Где ты набралась этих отвратительных вещей?

– Я прочла...

– Я скажу твоей матери, чтоб она внимательней следила за тем, какую чушь ты читаешь.

А сейчас будь добра, мы работаем!

Маргарет с явным разочарованием попрощалась. Когда она упорхнула, словно лесная фея, пес ткнул Натана лапой и умоляюще уставился ему в лицо.

– Даже не спрашивай, Здоровяк, – тяжело вздохнул Бреннон. – Нравы нынешней молодежи меня потрясают.

Последняя, пятая, жертва больше напоминала комичную до жути скульптуру, чем труп. Лонгсдейл уже избавился ото льда, однако лучше не стало. Кеннеди задумчиво постукивал усопшего пенсне по пальцу.

– Чистый лед, – сообщил патологоанатом комиссару. – Разве что не тает.

Бреннон постучал костяшкой пальца по заледенелому отвороту сюртука. Тот отозвался нежным позвякиванием.

– Боюсь, – сказал Лонгсдейл, – что при попытке вскрытия тело либо раскрошится, либо развалится на куски. И собрать его обратно мы уже не сможем.

– Я все же склонен отпилить один палец и изучить срез, – решительно произнес Кеннеди.

– Но вы хоть можете сказать, что это за хрень?

– Объятие утбурда, – ответил консультант. – Жертвы после него выглядят именно так.

Если, конечно, утбурд их бросает. Чаще всего он растирает их в крошку.

– То есть нам еще повезло.

– Именно.

Кеннеди укрепил на носу пенсне, взял пилу и примерился к мизинцу.

– Эй! – рявкнул Бреннон.

– Вам не нужна причина смерти?

– Причину смерти, – процедил комиссар, – я отлично вижу и так. Как вы думаете, что это? – Он провел пальцем по извилистой алой ленте, которая тянулась поперек весьма упитанного живота жертвы. На ленте висел золотой медальон.

– Я бы сказал, что это знак отличия какого-нибудь клуба для сливок общества. – Кеннеди склонился над медальоном. – «Сыны Блэкуита». Хм. Может, Брод его знает? Перед нами мужчина лет пятидесяти или пятидесяти пяти, одетый в дорогой костюм и дорогие ботинки. Рост около пяти футов шести дюймов, лицо багровое, я бы предположил одышку как следствие проблем с сердцем и сосудами, а печень наверняка отмечена следами возлияний.

– Что-то он шибко вырядился. Кеннеди, вы знаете, сколько в городе клубов, где развлекаются эти ваши сливки?

– Довольно много. Думаю, каких-нибудь «Сынов Блэкуита» мы среди них найдем. Считаете, он попал в лед прямиком из клуба?

– Такие важные господа пешком не ходят. Разве что пару ярдов от крыльца до экипажа.

– Но что мешало ему заехать в какой-нибудь бордель по дороге домой?

– Это. – Комиссар потыкал пальцем в сюртук. – Костюм. Он без шляпы, трости и верхней одежды. Взгляните на пятна на ботинках. Они промокли насквозь еще до того, как голубчик попал в объятия утбурда. Брюки тоже мокрые до колен. Хотя тут все и оледенело, пятна видны совершенно ясно. – Бреннон побарабанил пальцами по столу. – Лонгсдейл, у него там цепочка от часов видна. Часы никак не достать?

Консультант покачал головой.

– Ладно, к черту. Куда можно пойти в таком виде в ночь, когда язык к зубам примерзает? Лонгсдейл, он мог выскочить из клуба на зов этой гадины? Как Мерфи?

– Вполне.

– Выскочил и бежал. Либо к ней, либо от нее, но достаточно долго. Рожа у него весьма напуганная.

– Если он встретил утбурда – то ничего удивительного. – Консультант осторожно провел скальпелем по корочке льда на часах, и труп угрожающе захрустел. – Боюсь, определить время смерти по часам мы не сможем.

– То есть лучше оставить все как есть и надеяться, что он не растает к черту до приезда родственников?

– Он не растает, – ответил Лонгсдейл. – Это я могу гарантировать.

– Ладно. Если вы закончили, я пришлю Эдди – пусть нарисует портрет жертвы. Я отправлю детективов в клуб, но меня до четырех не будет. Так что ежели они управятся раньше, то вы, – Бреннон кивнул на консультанта, – можете прочесть их рапорты.

– Зачем? – удивился тот.

– Они допросят прислугу. Не может быть, чтобы табун лакеев и официантов ничего не заметил. Ничего по вашей части, я имею в виду.

– А вы куда?

– По делу, – сухо отозвался Бреннон. – Буду искать женщину.

Дом пивовара Мерфи при свете дня выглядел куда приятней, чем ночью. Приземистый и темный, как и многие дома в этих местах, на вид довольно мрачный, но ухоженный. Мерфи-младший чистил резные ставни, на свежевыкрашенном крыльце трепетали черные ленты. Вдова вешала на дверь траурный венок. Бреннон перевел взгляд на портрет незнакомки; ветер с озера сердито дергал бумагу, пытаясь вырвать ее из рук. Комиссар толкнул калитку и зашагал к крыльцу.

– День добрый, – сказал он, и миссис Мерфи подпрыгнула, как коза.

На ее лице промелькнуло такое выражение, будто комиссар едва не поймал ее с поличным.

– Вы! – вырвалось у женщины. – Опять?!

– А то. Знаете эту? – Натан сунул миссис Мерфи портрет белокурой незнакомки.

Это был тычок наугад – в основном от того, что комиссару хотелось нащупать хоть какую-то связь между пивоваром и остальными. Вдова взгляделась в портрет и громко фыркнула:

– Еще бы!

У Бреннона перехватило дыхание.

– Эта девка была у нас приходящей горничной. Но я ее выгнала, едва она пузо нагуляла. Взяли моду – чуть что брюхатиться!

– И где она теперь?

– Откуда мне знать?

– Но имя-то вы помните?

– Вот еще. Стану я имена служанок запоминать. Много чести! Я ее звала Хеди. Она и по-нашему еле говорила.

Бреннон пристально посмотрел на миссис Мерфи. Женщина покраснела и раздраженно теребила фартук.

– Как в лучших домах, а? – вкрадчиво спросил комиссар. – Всех горничных зовут Аби-галь, а у вас-то целый штат прислуги.

Вдова отвернулась к венку и стала расправлять ленты.

– Значит, подозревали супруга. Занятная картинка – девушку вон, мужа на мороз, свидетелей нет, а у вас плохая память...

– Да черт с вами! – взорвалась миссис Мерфи. – Вы же теперь нас в покое не оставите! Да, я так и думала! А что *вы* бы думали, когда эта свинья только и делала, что глаза на нее пучила?!

– Где вы ее наняли?

– На рынке, в день найма. Я там как раз присматривала проходящую горничную, а эта на вид была приличной, хоть и лопотала по-нашему не особо. Рекомендаций у нее не оказалось. Ну вот оно и видно – года не прошло, как она притащилась к нам размером с корову! Верь после этого людям... Я гулящих в своем доме не потеряю. Велела убираться на все четыре стороны.

– Где она жила?

– Откуда ж мне знать. Слава богу, не в моем доме.

– Когда она к вам приходила?

– Через день, после полудня.

– Вы знаете, где еще она работала?

Миссис Мерфи фыркнула:

– Уж известно где! Я не спрашивала, а зря...

– Сколько вы ей платили?

– Два фернинга в неделю.

Бреннон смерил вдовицу долгим взглядом. Женщина уставилась в пол.

– Вы на ней основательно сэкономили.

– Ну уж...

– И даже не запомнили ее имя?

– Не наше оно. Длинное, язык сломаешь.

– И вы, доверчивая душа, не записали нигде, кому платите ваши кровные фернинги? А вдруг бы она украла у вас ложки?

Миссис Мерфи с досадой наморщила покатый лоб.

– Может, и записала где... Поищу, глядишь, и найду.

– Поищите, – холодно сказал Бреннон.

Женщина посмотрела на него, поняла, что он не уйдет, и с недовольной миной скрылась в доме. Комиссар повернулся к ее сынку, который оставил в покое ставни и не сводил глаз с матери. Когда она ушла, молодой человек бочком-бочком подобрался к Бреннону.

– А чего с ней? – пробасил наследник пивоварни.

– Найдем – узнаем.

Мистер Мерфи стал еще багровей, чем обычно, и выдавил:

– Эт не я. Я ее и пальцем не того...

– А хотелось?

Парень отвел глаза и принялся копать снег ступней размером с футляр для скрипки.

– Ее Хильдур звали, – пробубнил он. – Фамилия черт-те какая... Я к ней по-доброму, да... Спросил ее – кто это с ней так. Сказал, найду недоноска – врежу.

– А она?

Брайан Мерфи шумно вздохнул.

– Поплакала и ушла. Деньги я ей отдал, вы не того... Не думайте! Матушке не говорите, – шепотом добавил он и метнулся обратно к ставню.

Из дома вышла миссис Мерфи и с мрачным видом сунула Бреннону клочок бумаги.

– «Хилтур Линвизд». – Лонгсдейл положил листок в папку. – Не думаю, что это ее фамилия.

– Я тоже. – Бреннон сунул руки в карманы и окинул хмурым взором тома регистрационных записей. – Грамота – не самая сильная сторона миссис Мерфи. Но тем не менее девушка с именем Хильдур и фамилией на «Л» прибыла в Блэкуит либо поездом, либо дилижансом, либо речным транспортом. Господа, – комиссар обвел широким жестом несколько столов, заваленных регистрационными журналами; полицейские напряженно притихли, – вот несколько тысяч

страниц, среди которых вам предстоит найти фамилию приезжей иностранки по имени Хильдур. Приступайте!

– Линдгрэн, Линдквист или Ланквист, – пробормотал консультант. – Она из Стернборна. Может, послать письмо в их полицию?

– С какой стати? Она может быть десятой дочкой нищего деревенского пьяницы из глухой провинции. Никто и пальцем ради нее не шевельнет. Нет, искать надо здесь, у нас.

– Но зачем вам записи? – спросил Лонгсдейл, пока комиссар заматывал шарф и застегивал пальто.

– Затем, что мы сможем узнать, откуда она. Кроме того, есть шанс, что девушка оставила след – например, попросила отослать ее багаж в какую-нибудь гостиницу.

– Тогда куда же вы?

– В клуб «Сыны Блэкуита». Наш труп – это Рональд Джоэл Киннан. Его опознал Бройд, а также жена и дети. В клубе остались его шляпа, шарф, пальто и трость. Его кучер прождал в ночь убийства своего хозяина до утра, приехал домой и поднял тревогу.

Лонгсдейл нахмурился:

– Но он умер не в клубе. Там вам скажут разве что время, когда он ушел.

– Я иду туда не за Киннаном.

– А зачем?

Бреннон уже сбегал вниз по лестнице, но, поскольку консультант не отставал (и Здоровяк тоже), приостановился и снисходительно пояснил:

– Всегда показывайте все портреты всем подозреваемым. Никогда не знаете, где вам повезет. Девушка, похожая на Хильдур, через день мыла полы и чистила камин в клубе. И она же служила приходящей горничной в доме Мерфи.

Лонгсдейл переменялся в лице, одним рывком преодолел лестницу и намертво впился в локоть Бреннона.

– Но ее же ищет утбурд!

– Именно.

– И вы идете за ней?!

– Надеюсь на это. – Комиссар на всех парах промчался через приемную, но консультант вцепился в него, как клещ:

– Вы с ума сошли! А если он найдет ее, когда там будете вы?

– И что?

– Что вы станете делать с утбурдом?

Бреннон остановился. Он уже распахнул дверь, и во дворе его ждала синяя полицейская карета. Лонгсдейл выпустил его локоть.

– Я иду с вами, – сказал он. – Искать ее только человеку слишком опасно.

– А вы, что ли, не человек? – буркнул Бреннон. Консультант удивленно поморгал. – Ладно, лезьте в карету. Только ради бога – ведите себя прилично!

Клуб для состоятельных джентльменов «Сыны Блэкуита» занимал элегантное серое здание на площади Восстания, в тени городского банка. Чтобы попасть внутрь, Бреннону потребовалось рекомендательное письмо от Бройда, однако на собаку швейцар попытался наложить строгое вето:

– Но сэр, это ведь животное!

– И слава богу. Или вы лично будете вынюхивать под креслами улики и следы преступления?

– К-к-какого преступления?

– Мистер Киннан был убит этой ночью.

– Но не в нашем же клубе! Сэр!

Но комиссар уже решительно отодвинул швейцара с пути расследования и бросил в руки шокированному лакею пальто, шарф и шляпу.

– Давай, Здоровяк, ищи. А вы доставьте сюда хозяина клуба, управляющего и соберите в кухне прислугу для допроса. – Швейцар задохнулся от негодования. – Лонгсдейл, за вами пальто, шляпа и прочие вещи покойного. К делу!

– Хорошо, сэр, – покладисто сказал консультант.

Здоровяк уткнул нос в пол и потрусил в большую клубную столовую. Бреннон, убедившись, что все при деле, последовал за собакой. Он не знал, что вынюхивал пес, но решил ему довериться. В конце концов, покойника он уже нюхал...

Здоровяк прошелся по всем местам, где побывал усопший, от столовой до уборной, но нигде комиссар не обнаружил ничего связанного с преступлением. Однако при этом Натан отметил, что Киннан шлялся по всему клубному зданию совершенно свободно, а не торчал безвылазно в столовой, курительной и бильярдной. Если он так вел себя всегда, то шансы встретить белокурую поломожку довольно высоки. Напоследок пес довел Бреннона до черного входа, неопределенно помахал хвостом и улегся на половичок, поставив точку в расследовании.

В кабинет хозяина клуба Бреннон поднимался в некоторой задумчивости. Люди здесь собирались из числа тех, кто может запросто отказаться отвечать, и крайне трудно будет их заставить. Другое дело – прислуга. Прислуга, которая, вопреки самомнению господ, видит и знает о них больше, чем исповедующий священник. Но начать тем не менее надо с хозяев. Хотя бы из вежливости.

В кабинете комиссара ждали трое: Лонгсдейл, хозяин клуба мистер Лири и управляющий мистер Ханна.

– Вещи, – коротко сказал консультант и кивнул на журнальный столик, где грудой лежало все, что забыл в клубе Киннан. – Никаких следов. Он совершенно точно не выходил в них на улицу и не встречался с...

– Хорошо, – отрывисто бросил Бреннон и повернулся к хозяину. – Итак, насколько вы уже знаете, мистер Киннан, член клуба, был убит этой ночью. Поскольку все его вещи остались здесь, мы предположили, что это последнее место, которое он посетил. Что вы можете рассказать о нем и о его последнем вечере?

Джентльмены основательно подготовились к визиту полиции. Бреннон внимал слаженной саге о досуге достойного джентльмена ровно до первой неверной ноты.

– То есть вы не можете объяснить, почему при закрытии клуба обнаружили в гардеробной вещи мистера Киннана?

– Господа иногда забывают что-либо, – учтиво ответил экономом Ханна. – Мы отсылаем забытые вещи владельцам на следующий день. Так было бы и на этот раз, если бы...

– И все же вы не можете объяснить, где был мистер Киннан, начиная с полуночи, и почему ушел в такую холодную ночь без пальто.

– Как я уже сказал, вероятно, среди прочих джентльменов в бильярдной.

– Если вы спросите наших членов, – с подчеркнутой любезностью добавил мистер Лири, – они скажут то же самое. Что же до пальто, то мистера Киннана ждал его экипаж.

– То есть на озеро его перенес дух святой?

– Скорее всего, кучер.

Бреннон встал, сунул руки в карманы и обвел господ тяжелым взглядом исподлобья.

– Киннан вышел на улицу через черный ход, без шляпы и пальто. Он долго бежал по улице, до тех пор пока не промочил ноги и нижнюю половину брючин насквозь. В конце концов убийца настиг его у озера, прикончил и бросил труп на льду. Все это время кучер ждал Киннана у клуба, затем поехал домой и вместе с домочадцами пропавшего начал поиски. Его нашли в пять утра. Смерть наступила около двух часов ночи. От вас же мне нужно только одно – время, когда он покинул клуб.

Ханна облизнул тонкие губы и уставился на мистера Лири. Тот молчал, барабаня пальцами по столу. Лонгсдейл меланхолично почесывал загривок пса носком ботинка.

– Мы не можем вполне точно ответить вам, – наконец произнес владелец клуба. – Около часу ночи нами всеми овладел... овладела... Случилось некое замешательство и в своем роде даже паника. К сожалению, я не могу назвать ее причину, возможно, утечка газа с кухни. Однако примерно через десять-пятнадцать минут все вернулось к приличествующему нашему заведению порядку.

– Он вышел, – сказал Лонгсдейл. – И оно последовало за ним.

– Мистера Киннана после этого не видели, – закончил мистер Лири, бросив на консультанта заинтересованный взгляд.

– Почему никому не сообщили?

Лири надменно выпрямился в кресле.

– У нашего заведения есть определенная репутация, сэр!..

– Поэтому пусть члены клуба дохнут хоть пачками, лишь бы подальше. Где слуги? – резко спросил комиссар у мистера Ханна.

– Внизу, в кухне.

– Проводите.

Управляющий без особой радости двинулся к лестнице. Бреннон коротко кивнул хозяину клуба, жестом велел Лонгсдейлу идти следом и захлопнул дверь.

– Оно пришло за ним сюда, – прошептал консультанту Натан. – Джентльмены перепугались не хуже малограмотных рыбаков в квартале Мерфи. Киннан выбежал на зов, однако здравый смысл взял верх, и он попытался удрать.

– Или утбурд просто гонял его по улицам.

– Зачем?

– Чтобы поиграть, – пожал плечами Лонгсдейл. – Это же ребенок.

Прислуга собралась в кухне. Мистер Ханна, прохаживаясь мимо лакеев, официантов и поваров, бормотал фамилии и должности. Бреннон следил за лицами. Многие были насторожены, кое-кто – рассержен, но почти все – напряжены и сильно напуганы.

– Здесь не хватает одной девушки, – сказал он, когда эконоом закончил. – Вы опознали ее по портрету.

– Ах да, иностранка. Мы не видели ее уже три или четыре месяца.

– С тех пор, как заметили ее беременность?

Мистер Ханна закашлялся и слабо покраснел, прислуга зашептала. Бреннон обвел их долгим взглядом.

– Вы знаете, где она жила? У нее были друзья? Родственники? Она разговаривала хоть с кем-то из вас?

Ответом было молчание. Пес тихо фыркнул.

– Значит, так, ребятки. В дело, как видите, влезла полиция, поэтому никто не выйдет и не войдет в этот дом, пока я не узнаю всей правды.

– Вы не имеете права!.. – возвысил голос эконоом.

– Член вашего клуба был убит, – вкрадчиво напомнил Натан, – и последнее место, где его видели живым, – этот дом. Соображаете?

Эконоом судорожно провел по губам платком.

– Не можете же вы обвинить...

– Отчего же? Что мне помешает? Хильдур – очень красивая девушка, так, может, какой-нибудь пылко влюбленный лакей и отоварил Киннана кочергой по темени, когда узнал, что Киннан ее изнасиловал.

Кучка напуганных людей разразилась сбивчивыми вздохами. Послышался сдавленный шепот «О господи! Боже мой! Да не может быть! Кто бы стал?.. Она же иностранка!» Бреннон следил за ними как за добычей – кто первым задрожит, кто выдаст себя паническим взглядом или невольным жестом? Ханна снова прижал скомканный платок к губам.

– Это неслыханно! Вы ответите за подобную клевету!

– Бросьте. – Комиссар шагнул к слугам, и те инстинктивно подались назад. – Они знают. Слуги всегда знают, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.